

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть III.

Книжка впорая.

августъ 1791.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

Гедж
I Рс 824.

БАХЧАН БИБЛІОТЕКА
ім. Горького
М Г У

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЬ.

Часть третія. Книжка впорая.

Мѣсяцъ Августъ.

р. 40.

I.

СТИХИ

Изъ описанія празднества, бывшаго у Его Свѣтлости Господина Генералъ-Фельдмаршала и Великаго Гетмана, Князя Григорія Александровича Потемкина - Таврическаго, въ присутствіи Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ С. Петербургѣ, въ домѣ его близъ конной гвардіи, 1791 года, Апрѣля 28 дня.

I.

На вступленіе Ея ВЕЛИЧЕСТВА
въ большую залу.

Во древни времена такъ боги
На Олимпійски торжества,
Оставя горніе чершоги
И свѣплы троны божества,

И

Схе-

р. 40 3399

Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сияе лучей своихъ.

Среди народнаго собора
Священное прибышье ихъ
Подобно такъ же познавалось,
Какъ сходишъ къ намъ заря :
Роптанье вѣтровъ укрощалось ;
Румянились зеиръ, моря ;
Вниманье на горахъ блеспало ;
Поля лобзала тишина ;
Все бренно естество молчало ,
Смотря, какъ шествуетъ она ;
Ея улыбка разливала
На всю Природу блескъ и свѣтъ.

2.

*На танцы съ хорами кадрили
мужинъ.*

Не такъ ли лира восхищена
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни
Была при торжествахъ почтена ,
А онъ, возсѣдши пальмъ въ шѣни ,
Покрытъ вѣнцемъ и багряницей ,
Передъ премудрости Царицей

Дѣла своихъ Героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа спруны ?
Какіе сладкіе перуны,
Какой огонь отъ нихъ лещѣлъ !

* * *

Подъ поражающимъ согласьемъ
Его прѣятыхъ сердцу стрѣлъ ,
Орелъ , нагнувъ на перси вью ,
И млечнымъ облакомъ сокрывъ
Въ полѣяблока зѣницы быстры ,
Хребтомъ пернатымъ тихо зыбласъ ,
Дремалъ , казалось , близъ его ,
Спустивъ свои на розы крылы ;
Но нерасплѣнно нѣгой сердце
И духъ его парилъ у звѣздъ .

* * *

И самая забавы ,
И самая любовь ,
Наукой были славы
И къ подвигамъ жгли кровь
Души благорожденной .
Что слухъ внялъ восхищенной ,
Что зрѣлъ прельщенный взоръ ,
То юность вся твердила
Къ по ломамъ своимъ ;
По тѣмъ спезямъ ходила ,

И з

Что

Что пѣлъ Пїипа имъ ,
И что гремѣлъ имъ хоръ.

* * *

Онъ пѣлъ имъ вишнязей риспанье
И крики на коней возницъ ,
И молнїй по мечамъ блистанье ,
И пыль сполпомъ отъ колесницъ .
Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы ,
Желаніе честей и славы ,
И къ общему любовь добру .
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье ,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье ,
Мэдоимну злапу, серебру .

* * *

Сѣдыя спарцы , преклоненны
Вокругъ его на ихъ жезлахъ ,
Внимая добродѣтель чтиму ,
Спруили шокъ блестящихъ слезъ .
Прѣятно было имъ то слышать ,
Что хвалишъ добры ихъ дѣла ;
Но сердцу ихъ еще сто кратъ
Того милѣй и слаще было ,
Что шопъ же на сынахъ ихъ виденъ
Былъ знакъ ко славѣ спаспныхъ душъ .

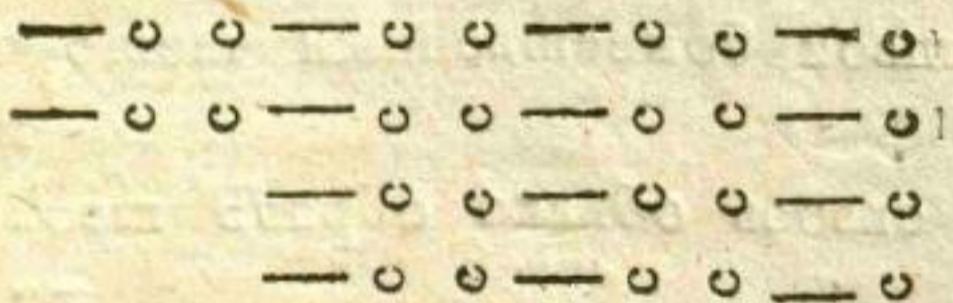
* * *

Минерва съ Марсомъ зрели
На юношъ полкъ младыхъ ;
По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ ,
И чрезъ лѣща шолики
Кто Александръ Великій ,
Кто будеши Константинъ ;
Божественные взгляды
Свою читали честь ,
И весь въ нихъ блескъ Эллады :
Тотъ громы будеши несть ,
Сей новый спроишь Римъ !

* * *

II.
КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

Гдѣ ты , Прекрасная , гдѣ обишаешь ?
Тамъ ли , гдѣ пѣсни поетъ филомела ,
Кропкая ночи пѣвица ,
Сидя на миртовой вѣтви ?

* * *

И 3

Тамъ

Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ
спремишся
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призываю
Къ сладкой дремошь покоя ?

* * *

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Уптомъ кропимая, нѣжно алфетъ,
Скромно съ зефиromъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питаю ?

* * *

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горъ неприсущихъ хребетъ разно-
цвѣтный (*),

Гдѣ обитали издревле
Вышнія Силы и боги ?

* * *

Гласъ твой божественный часто вни-
маю ;
Часто сквозь облако образъ твой ви-
жу —

Ру-

(*) Когда въ хороший вечеръ, передъ заходенiemъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія смотришь на высокія, снѣгомъ покрытые горы, то верхи ихъ кажутся разноцвѣтными.

Руки къ нему проспираю —
Оолако, воздухъ объемлю !

III.

ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ
СЕЛѢ.

ВЪ прекрасной Майской день
Пріятныя погоды ,
Какъ всюду длища тѣнь ,
Ложась въ спекляны воды ,
Въ ихъ зеркаль бреговъ
Намъ предшавляла виды ;
Когда среди столповъ
И зданіевъ Фемиды ,
Сооруженныхъ Ей
Героевъ Россіихъ въ славу ,
При гласѣ лебедей ,
Въ прохладу и забаву ,
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединяясь ,
Съ Плѣнирою младой
Мы въ лодочкѣ кашалась ,
Туляли въ озеркѣ .
Она въ кормѣ сидѣла ,

А по срединѣ я.

За нами въ слѣдѣ лѣтѣла
Жемчужная струя.
Кристаллъ шумѣлъ отъ веселѣ.
О! сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ веселъ!
Любезная моя —
Я тутъ сказалъ — Плѣнира!
Тобой плѣненъ мой духъ;
Ты даръ всего мнѣ міра.
Взгляни себя вокругъ:
Мнѣ всѣ красы Природы
Съ тобой спеклися вдругъ!
Сребромъ сверкаютъ воды,
Рубиномъ облака;
Пылаютъ златомъ кроны
Какъ огненна рѣка;
Свѣтъ ясный, пурпуровый
Объялъ всѣ воды вокругъ;
Въ немъ видно рыбъ плесканье,
Птицъ плаванье на лугѣ,
И крылъ ихъ трепетанье.
Весна во всѣхъ мѣстахъ
Намъ взоръ свой ослабляетъ;
Въ зеленыхъ муравахъ
Ковры намъ подстилаютъ.

Вопъ рога слышенъ ревъ;
Вопъ эха хохочанье;
Вопъ шепоты ручьевъ;
Вопъ розы взыханье
Зефиръ здѣсь помавалъ
Крылами пихо слуху.

Какая пища духу!

Въ воспоминаніи продолжалъ:
Коль красенъ взоръ Природы
И памятниковъ видѣ,
Когда глядяшся въ воды!
Вопъ соловей сидитъ
Близъ ихъ и воспѣваєтъ,
Зря розу иль зарю;
Какъ будто изъявленіе
Онъ Богу и Царю
Свою тушъ благодарность:
Что сей своихъ чтитъ слугъ,
Что Тотъ вливъ свѣпозарность
И жаръ всѣмъ тварямъ въ духъ.
Доколь сидишь при розѣ,
О пы дней красныхъ сынѣ!
Пой, соловей! — и въ прозѣ
Ты слышенъ . . . нѣ!

(Изъ Петербурга отъ неизвѣстной
Особы.)

IV.

СТИХИ ГОСПОЖЪ АН. (*).

Какъ роза въ майски дни среди цвѣтovъ распешъ,
И благовоніемъ весь воздухъ исполняетъ:

Такъ юность дней твоихъ, прекрасная,
Цвѣшешъ,

И насть видѣніемъ своимъ увеселяетъ.

Но чѣмъ же съ розою, когда весна
прейдешъ?

Увянешь цвѣшъ ея, и листъ ея падешъ;
Исчезнушъ прелести, и запахъ приступитъ;

Померкнешъ блескъ ея и спѣбель со-
крушился.

Но не запмияться вѣкъ душевны
красомы,

Которыми блестишь одушевленна ты.

Страйся лишь въ свой вѣкъ любить
добродѣтель,

Къ которой насть зоветъ Нашурѣ всей
Содѣтель;

Люби

(*) Сообщены очиѣ цизавѣщанной Особы.

Люби ты стмене, люби въ наукахъ
свѣтъ —

Намъ щасливыми быть иного сред-
ства нѣшъ.

— 6.

V.

ОТВѢТЬ ЕЯ.

Когда ты лестную хвалу мнѣ сопле-
пашь,

Напрасно ты меня прекрасной назы-
вашь.

Возможно ли мнѣ споль самолюбивой
быть,

Чтобы себя въ число прекрасныхъ
розвѣстить?

Такая похвала меня не упышаетъ.

Душевна красота одна меня пленяетъ;

Такою красотой хочу блескать всегда;

Сіяніе ея не меркнетъ никогда.

Хочу такой хвалы я сдѣлаться до-
стойна —

Тогда могу я быть прещаслива, по-
койна.

Къ снисканію сего полезенъ твой со-
вѣтъ;

Бо

Ко щаслію онъ мнъ показываетъ свѣтъ;
Въ полезнѣйшихъ вещахъ велишъ мнъ
упражняясь,
И къ добродѣтели всегда чтобъ при-
лѣпляясь.

Какое принесу тебѣ благодареніе
За то, что мнъ даешь такое настав-
леніе?

Какихъ должна я словъ теперь къ по-
му искать,
Чтобъ благодарность мнъ тебѣ мою
сказать?

Но лучше я скажу, что съ чувстві-
емъ согласно;

Гдѣ сердце говоритъ, тамъ словъ
искать напрасно.

И такъ я изъясню безъ лести то
тебѣ,

Что думаю, и что я чувствую въ
себѣ;

И мысли днесь мои скажу я откровенно,
Что въ сердцѣ ужъ моемъ давно на-
печатлѣнно.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ
увидѣла тебя,

Почтеніе къ тебѣ почувствовала я;

А оное по томъ вседневно возраспало
И къ дружбѣ мнѣ твоей желаніе раж-
дало ;
Полезпѣйшій совѣтъ открылъ по томъ
путь къ ней.
Хочу доспойна бысть я дружбы днесь
твоей ;
Прошу, чтобъ ты всегда давалъ мнѣ
наставленьи ,
Которыя никакъ не могутъ бысть въ
забвеньи ;
Я буду ихъ всегда съ почтеньемъ
исполнять.

— — — — — —
— — — — — —
— — — — — —
— — — — — —
— — — — — —
— — — — — —

Жн.

VII.

СОНЕТЬ.

Младенецъ, нѣжный плодъ, любовью со-
творенный !
Прелестенъ ты глазамъ и милъ ду-
шъ моей !

Ко

Ко персамъ машери сномъ легкимъ
уклоненный,
На утренней зарѣ птицъ весеннихъ
дней,
Покрытый тишиной, въ невинность
облеченный,
Вкушаешь ты покой, бѣгущій отъ Ца-
рей. —
Спокойствие! предметъ ты смертныхъ
вожделѣній;
Разумѣйшихъ вѣнецъ единыхъ лишь
мужей! —
По преволненіямъ здѣсь человѣкъ плы-
ваетъ.
Средь бурныхъ кто спрастей умѣрен-
ности блуденъ,
Блаженъ въ пристанищѣ побѣды надъ
собой! —
Но ты изникший вѣтъ, новѣйший жи-
тель міра!
Дыханіемъ вѣтра сладчайшаго зефира,
Не знаешь и того, что есть ли зло
спрастей!

Д. Б.

Над-

VII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЕФРЕМА
ЖИВОПИСЦА.

Глядите: вотъ Ефремъ, домовый нашъ
маляръ.
Онъ въ списываніи лицъ имѣлъ чудесный
даръ,
И кисть его всегда надъ смершными
играла —
Архила Сидоромъ, Кузьму Лукой пи-
сала.

И.

VIII.

СЕЛЬМСКІЯ ПѢСНІ.

Изъ твореній Оссіановыхъ.

*Гасрилу Романовичу Державину
посвящаетъ Переводчикъ.*

Звѣзда ниспускающейся ночи! прекрасенъ свѣтъ твой на западѣ. Ты подъемлешь изъ облака блестящую главу свою; шествуешь величественно по холму. Что видишь ты въ долинѣ? Умолкли бурные, вѣтры. Издалека слышно журчаніе потока. Шумящія волны далеко бьются о берегъ каменный. Мухи вечернія на слабыхъ своихъ крыльяхъ лепаютъ и жужжатъ въ полѣ. Что видишь ты, свѣтило любезное? Но ты улыбаешься и заходишь. Волны съ радостю окружаютъ тебя, и омываютъ прекрасные власы твои. Проспи, лучь тихій! да возсіяетъ свѣтъ души Оссіановой!

И возсіялъ онъ въ силѣ своей! Я вижу умершихъ друзей моихъ, собирающихся на Лорѣ, гдѣ они во дни про-

прошедшіе собирались. Является Фингалъ подобно влажному сполу тумана. Герои окружаютъ его и Барды пѣнія: Уллинъ съдовласый, величавый Рино, Альпинъ (*) сладкогласный и кроткая, печальная Минона. Какъ перемѣнились вы, друзья мои, со дней Сельмскаго пиршества, когда мы спомнили въ пѣніи, подобно вѣтеркамъ весеннимъ, несущимся вдоль по холму и колеблющимъ поперемѣнно шихошепчуЩую праву.

Выступила Минона (**) въ красо-
же своей, съ потупленнымъ взоромъ

I

и

(*) Альпинъ или Альбиянъ, или Альбіонъ, древнєе имя Британіи, происходитъ отъ слова *Альвъ*, что значиши *высокой островъ*, или *высокая земля*; Британія же происходитъ отъ Цельского слова *вгайт* или *braid*, что значитъ *пространно*, и ошъ *in*, т. е. *земля*.

(**) Оссіанъ предшествуетъ Минону не въ во-
ображаемой сценѣ, имъ описанной, а на
ежегодномъ пиршествѣ Сельмскомъ, гдѣ
Барды воспѣвали передъ Фингаломъ пѣсни
свои.

и съ очами слезящими. Порывистый вѣтръ, отъ холма несущійся, тихо развѣвалъ ея волосы. Печалію наполнились души Героевъ, когда она сладоспнімъ гласомъ запѣла. Часто видали они гробъ Салгаровъ и мрачное жилище бѣлогрудой Кольмы. Осталась Кольма едина на холмѣ, едина съ свою пѣснію. Салгаръ обѣщалъ прїйти къ ней; темная ночь ниспускалась. Внимайше пѣнію Кольмы, когда она единствена на холмѣ сидѣла.

Кольма.

Пришла ночь; — я одна, на бурномъ холмѣ оставлена. Шумитъ вѣтръ на горѣ; спремителный пошокъ мчится внизъ по упесу. Некуда мнѣ отъ дождя укрыться, — мнѣ, оставленной на бурномъ холмѣ!

Явись, мѣсяцъ! изъ облаковъ своихъ; явитесь, звѣзды ночные! Покажите мнѣ путь къ тому мѣсту, где покоится мой любезный, ловлею утомленный, подлѣ своего ненапіянутаго лука, посреди запыхавшихся псовыхъ своихъ

своихъ. Но я должна сидѣть здѣсь въ уединеніи подлѣ упеса мхомъ заросшей рѣки. Шумиша рѣка, и вѣпръ шумиша. Не слышу гласа моего любезнаго. Почто медлиша мой Салгаръ? Вопъ камень, и дерево, и шумящая рѣка. Ты обѣщалъ мнѣ прійти сюда ночью. Ахъ! гдѣ Салгаръ любезный? Я ушла бы съ тобою отъ отца моего, ушла бы отъ гордаго моего брата. Долго были врагами отцы наши; мы не враги съ тобою, о Салгаръ!

Умолкни, вѣпръ, на время; умолкни на время, рѣка шумящая! Дайше раздашься моему голосу, чтобы любезный странникъ услышалъ меня! Салгаръ! я зову тебя. Вопъ камень и дерево. Салгаръ, любезный мой! я здѣсь. Пачто ты медлиша? — Тихій мѣсяцъ восходитъ, и воды въ долинѣ свѣтятся. Сѣдѣютъ на крутизны камни. Не вижу его на верху горы. Не бѣгутъ передъ нимъ псы его съ вѣсплю о его приближеніи. Я должна здѣсь сидѣть въ уединеніи.

Но кто лежитъ тамъ въ кустарнике? Не мой ли любезный? Не братъ ли мой? Говорите, друзья мои! Они не оправдываютъ Кольмѣ. Говорите, любезные! Я одна, и страхъ мучитъ душу мою. Ахъ! они мерзлы! Мечи ихъ обагрены кровью. О братъ мой, братъ мой! почто убилъ ты моего Салгара? Почто, Салгаръ, убилъ ты моего брата? Оба вы были мнѣ любезны. Что скажу въ славу вашу? Прекрасенъ былъ ты на холмѣ между мыслями; ужасенъ былъ онъ въ битвѣ. Говорите, друзья мои! Внимайте моему гласу, внимайте, сыны любви моей! Они безмолвствуютъ — и вѣчно ихъ безмолвіе! Подобно землѣ хладна грудь ихъ. О! вѣщайте съ камня на холмѣ, съ вершины бурной горы вѣщайте, вы духи умершихъ! Не успрашивайте меня гласъ вашъ. Гдѣ вы покоитесь? Въ какой пещерѣ найду я умершихъ? — Никакого слабаго гласа не слышу я въ вѣтрѣ; нѣтъ оправдывающею заглушаемаго!

Сижу въ горести, и въ слезахъ
упра ожидаю. Ройте могилу, друзья
умершихъ! но не закрывайте гроба:
подождите Кольмы. Проходиши жизнь
моя подобно сновидѣнію. Почему я
оспалась? Здѣсь буду покоиться съ
друзьями моими, подлѣ рѣки зву-
чащаго берега. Когда ночь сойдетъ
на холмъ и зашумятъ вѣтры бур-
ные, тогда духъ мой будеши носить-
ся въ вѣтрѣ и сѣповать о смерти
друзей своихъ. Ловецъ изъ кущи
своей услышитъ голосъ мой; онъ
устраишися и полюбите его: ибо
сладокъ будеши голосъ мой о друзь-
яхъ моихъ. Друзья были любезны
Кольмѣ.

Такова была пѣснь пвоя, Мицона,
иѣжнокрасивѣющаяся дочь Торманова.
Слезы наши лились о Кольмѣ, и пе-
чальны были души наши. Уллинъ при-
шелъ съ арфою, и воспѣлъ намъ пѣснь
Альпинову. Сладостенъ былъ гласъ Аль-
пиновъ; душа Ринова уподоблялась
лучу огненному. Но уже покоились

они въ дому пѣсномъ (*); умолкъ гласъ ихъ въ Сельмѣ. Нѣкогда возвратился Уллинъ съ ловли, еще до паденія Героевъ. Онъ слышалъ пѣсни ихъ на холмѣ, пѣснь тихую и печальную. Они пѣли о паденіи Морара, первого изъ смертныхъ. Душа его была подобна душѣ Фингаловой, мечь его мечу Оскарову. Но палъ онъ, и отецъ его сѣповалъ; очи сестры его слезами наполнились. Наполнились слезами очи Миноны, сестры славнаго Морара. Она удалилась отъ пѣсни Уллиновой, подобно лунѣ на западѣ, когда она бурю предвидитъ, и прекрасную главу свою въ облакахъ скрываетъ. Я игралъ на арфѣ съ Уллиномъ, и пѣніе скорби началося.

Рино.

Вѣтръ утихъ и дождь прошелъ; полдень ясенъ. Облака на небѣ раздѣлились. Чрезъ зеленые холмы течетъ непостоянное солнце. Краснеюща

ся

(*) Т. е. во гробѣ.

ся горная рѣка , по каменистой долинѣ спремяющаяся . Сладко , рѣка , твоё журчаніе ; но сладче гласъ , мною слышимый — гласъ Альпина , сына пѣсни , оплаивающаго мертвыхъ . Сѣдая глава его преклонилась ; красно слезящее око его . Альпинъ , сынъ пѣсни ! почто одинъ на тихомъ холмѣ ? Почто печаленъ гласъ твой , подобно вѣпру въ пустынѣ , и волнѣ на отдаленномъ брегѣ ?

Альпинъ .

Слезы мои , о Рино ! текутъ обѣ умершихъ ; голосъ мой воспѣваєтъ усопшихъ . Величавъ ты на холмѣ , прекрасенъ посреди сыновъ долины . Но ты падешь подобно Морару , и сѣщающій будешь сидѣть на твоей могилѣ . Забудутъ тебя холмы ; лукъ твой будешь лежать въ чертогѣ немаянупый .

Скорѣ былъ ты , о Морарѣ ! подобно сернѣ пустынной , ужасенъ подобно метеору огненному . Гнѣвъ твой былъ буря , мечъ въ битвѣ какъ мол-

шія въ полѣ. Гласъ твой уподоблялся
рѣкѣ, дождемъ наполненной, и грому
на холмахъ отдаленныхъ. Многіе па-
ли отъ руки твоей; пожгло ихъ пла-
мя твоего гнѣва. Но какъ мирно бы-
ло чело твое, когда ты съ войны
возвращался! Лице твое было подоб-
но солнцу послѣ грозы, подобно лунѣ
въ молчаніи ночи; тихо, подобно во-
дѣ озера, когда шумный вѣтръ умол-
каетъ.

Тѣсно теперь жилище твое, мрач-
но мѣсто твоей обители. Тремя ша-
тами мѣряю могилу твою, о ты, ко-
торый передъ симъ былъ споль ве-
ликъ! Четыре камня со мшистыми гла-
вами остались единственнымъ твоимъ
памятникомъ. Безлиственное дерево
и высокая трава, шепчуЩая съ вѣт-
ромъ, указываютъ ловцу могилу силь-
наго Морара. Мораръ! гдѣ твое величіе? Нѣтъ у тебя матери, съшу-
щій о сынѣ. Нѣтъ дѣви, слезы люб-
ви проливающей. Скончалась тебя ро-
дившая; пала дочь Морланова,

Кто идешъ съ жезломъ своимъ?
Чья глава отъ спароспи побѣла?
Чьи глаза отъ слезъ покраснѣли? Кто
на каждомъ шагу трепещетъ? Опѣцъ
твой, о Мораръ! имѣвшій тебя еди-
наго. Онъ слышалъ о силѣ твоей въ
битвахъ, о врагахъ разсѣянныхъ. Онъ
слышалъ о славѣ Мораровой! но по-
мно не слыхалъ онъ о ранѣ его?
Лей слезы, опѣцъ Мораровъ! но сынъ
твой не можетъ тебя слышать; крѣ-
покъ сонъ мершыхъ; низко ихъ пыль-
ное возглавіе. Не услышимъ онъ тво-
его гласа; не возстанемъ отъ взы-
ванія твоего. Ахъ! когда будешь уп-
ро въ могилѣ, и спящіе пробудятся?
Прости, изъ мужей храбрѣиши! про-
сти, побѣдитель въ полѣ! Но поле
уже не увидишъ тебя, и мрачный
лесъ не освѣтится отъ блеска тво-
его оружія. Не оставилъ ты сына,
Пѣснь сохранишъ имя твое. Грядущія
времена о тебѣ услышатъ; услышатъ
онѣ о падшемъ Морарѣ.

Всѣ были печальны, ио всѣхъ пе-
чальнѣе Арминъ вздыхающій. Онъ вспо-

мнилъ смерть сына своего, падшаго
во дняхъ юности. Карморъ, Князь
звучашаго Галмала, былъ подлъ Героя.
Почто Арминъ взыхаетъ? сказалъ
онъ, Ешь ли причина сѣтовать?
Пѣснь и звучанія спрунъ должны про-
тапть и веселишь душу. Онъ подобны
тихому туману, который, подымаясь
отъ озера, разливается по безмолвной
долинѣ; зеленые цвѣты наполняются
росою — но солнце возвращается въ
силѣ своей, и туманъ исчезаетъ. По-
что печаленъ ты, Арминъ, повели-
тель Горы, окруженнай моремъ?

Печаленъ я, и не мала причина
скорби моей. Карморъ! ты не поше-
рялъ сына, не потерялъ дочери пре-
красной. Живъ Колгаръ мужествен-
ный, жива Аннира, изъ дѣвъ краснѣйшая.
Цвѣтушъ вѣпъви дому піоего, Карморъ!
но Арминъ послѣдній въ родѣ своемъ.
Мраченъ одръ твой, о Даура! крѣ-
покъ сонъ твой во гробъ. Когда про-
будишься ты съ пѣснями своими, съ
гласомъ своимъ сладкимъ?

Бушуйте, вѣшры осенне, бушуйте вѣ долинѣ! Шумите рѣки горныя! Шумите, бури, во мракѣ дубовъ моихъ! Являй, о мѣсяцъ блѣдный! являй многократно лицо свое изъ облаковъ разрѣянныхъ! Напомни мнѣ ночь, вѣ которой пали всѣ дѣти мои; когда палъ сильный Ариндалъ, когда любезная Даура увila. Даура, дочь моя! ты была прекрасна подобно лунѣ на Фурѣ, была подобно падающему снѣгу, мила подобно дыханїю вѣтерка нѣжнаго. Крѣпокъ былъ лукъ твой, Ариндалъ! быстро копіе твое вѣ полѣ. Взоръ твой былъ подобенъ шуману на волнахъ, щитъ красному облаку вѣ бурѣ. Армаръ, на войнѣ славный, пришелъ искать любви Дауриной. Не долго она прошивилась. Радоспна была надежда друзей ихъ.

Эратъ, сынъ Одгаловъ, злобился вѣ душѣ своей: ибо братъ его былъ убитъ Армаромъ. Онъ пришелъ вѣ одѣждѣ сына морскаго; прекрасна была на волнахъ ладія его; власы его бѣлы отъ спарости; спокойно важное чело его. Краснѣвшая изъ женъ — сказалъ

залъ онъ — любезная дочь Армино-
ва ! не далеко отсюда въ морѣ , на
скалѣ высокой , расщепѣ дерево ; кра-
сны кажутся плоды его издали . Тамъ
Армаръ ожидаешь Дауры . Я пришелъ
за его любезною . — Она пошла , и
звала Армара . Одинъ сънѣ скалы (*)
отвѣтствовалъ ей . Армаръ , любез-
ный , милый Армаръ ! почто мучишь
меня страхомъ ? Слушай , сынъ Ариар-
това , слушай ! Даура зоветъ тебя .
Злобный Эратъ удалился со смѣхомъ ;
она громкимъ голосомъ звала брата
и отца своего . Ариндалъ ! Арминъ !
вы не избавляете Дауры !

Голосъ ея перенесся черезъ море .
Ариндалъ , сынъ мой , сошелъ съ хол-
ма , обремененный добычею ловли .
Стрѣлы гремѣли на боку его ; въ
ру-

(*) Такъ называешь Оссіанъ эхо , кошорое
отъ скалы отдаешься . Простолюдины ду-
мали , что въ скалѣ живетъ духъ , повше-
ряющій звуки , и по тому называли сіе
повтореніе тас talla , что значитъ : сънѣ
живущій въ скалѣ .

рукъ его былъ лукъ, и пять темно-
сѣрыхъ псовъ за нимъ бѣжали. Онъ
увидѣлъ на берегу лупаго Эрапа,
схватилъ и привязалъ его къ дубу
шолстыми ремнями. Стенаніемъ на-
полнялъ онъ воздухъ. — Ариндалъ
садится въ членъ свой, и плыветъ за
Даурою. Армаръ пришелъ во гнѣвъ
своемъ, и пустилъ стрѣлу перянную
— она засвистала, и вонзилась въ
сердце твое, о Ариндалъ, сынъ мой!
Ты умеръ вмѣсто злодѣя Эрапа.
Членъ остановился. Ариндалъ палъ
на каменный берегъ, и умеръ. Что
чувствовала ты, о Даура, когда ноги
твои облилися кровью твоего брата?
Членъ разбился о камень. Армаръ
бросился въ море спаси свою Дауру,
или умереть. Вдругъ порывъ вѣтра
возмущилъ волны. Армаръ погрузился,
и остался въ морѣ.

Одна, на каменномъ островѣ,
волцами омываемомъ, спенала дочь
моя. Что было дѣлать отцу ея?
Всю ночь споялъ я на брегѣ, и ви-
дѣлъ ее въ блѣдномъ сѣнѣ мѣсяца.

Всю

Всю ночь слышалъ я вопль ея. Сильно шумѣлъ вѣтръ бурный; сильно лился дождь на холмѣ. Передъ утромъ ослабѣлъ голосъ ея. Онъ умиралъ, подобно какъ вечерній вѣтерокъ въ травѣ камней умираетъ. Даура, изнуренная скорбью, скончала жизнь свою, и оставила шея, Арминъ, единаго. Исчезла сила моя въ битвахъ; исчезла гордость моя между дѣвами. Когда шумятъ бури и сѣверный вѣтръ воздымаютъ волны, сижу я на брегѣ и взираю на скалу гибельную. Часто при свѣтѣ заходящаго мѣсяца являются мнѣ мерцающіе духи дѣтей моихъ. Они ходятъ вмѣстѣ, въ печальномъ согласіи. Ужели никто изъ васъ не сжалится надо мною и не начнетъ говорить со спарцемъ? Но они не смотрятъ на отца своего. — Печаленъ я, о Карморъ! и не мала причина скорби моей.

Таковы были слова Бардовъ во дни пѣнія, когда Царь внималъ согласію арфъ и повѣстямъ временъ прошедшихъ. Приходили вожди опѣ холмъ

мовъ своихъ, и внимали сладкому пѣнію. Они хвалили гласъ Коны (*), хвалили первого изъ Бардовъ. Но старость пягчила нынѣ языкъ мой, и душа моя увяла. По временамъ являются мнѣ духи Бардовъ, и научають меня пріятнымъ пѣснямъ своимъ. Но слабѣетъ память моей души. Слышу гласъ лѣтъ моихъ. Онъ проходяще и вѣщающъ: почто Оссіанъ поетъ? Скоро буде онъ лежать въ дому тѣсномъ, и никто изъ Бардовъ не воспоетъ славы его. — Текише, пекище, мрачный лѣша! Вы не приносите съ собою радости. Откройте гробъ Оссіану, ибо исчезла сила его. Уже покоятся всѣ сыны пѣсни. Остался только мой, подобный слабому вѣянію, которое послѣ бури и вѣтровъ уединенно вздыхаетъ на скалѣ, окруженной моремъ. Тамъ шепчетъ мрачный мохъ, и отдаленный мореплаватель видитъ колебаніе деревъ.

БЕЛЬ

(*) Оссіанъ часто называющъ себя гласомъ Коны.

IX.

БЕЛЬ КЪ ШАФТСБУРИ (*).

Милордъ!

Здоровье мое все еще въ худомъ состояніи. Съ нѣкотораго времени мучусь я сухимъ кашлемъ, которой можно назвать почти наследственнымъ въ нашей фамиліи. Грудь моя болитъ — и я, лежа на постель, страдаю отъ слабости, боли и безсонницы, а болѣе всего отъ праздности, къ которой я не очень привыченъ.

Ни мало не беспокоитъ меня приближеніе конца моего. Будучи не въ состояніи работать, не могу быть очень привязанъ къ одному существованію. Другое горе лежитъ у меня на сердцѣ, и только вамъ могу открыть его. Теперь уже навѣрное предвижу, что я оставлю сей свѣтъ не нашедши того, чего во всю свою жизнь искалъ я съ шакою ревностію.

Вы

(*) Сие и слѣдующее письмо переведены изъ *Lettres choisies de Mr. Bayle. T. III.* —

Вы конечно давно уже знаете ; Милордъ, что я хопѣлъ испины, — испины, которой дальнѣйшее изысканіе должно мнѣ теперь оставить.

Когда есть Богъ, то отъ чего происходит зло въ мірѣ ? — Какая есть невидимая и непонятная связь между тѣломъ и душою ? — Какіе суть всеобщіе законы тѣлеснаго міра, и какое сношеніе имѣютъ они съ происшествіями ? — Вотъ какіе важные вопросы остаются у меня еще безъ отвѣта при концѣ жизни !

Простите, Милордъ, жалобамъ умирающаго, которой все еще починалъ себя щасливымъ, пока онъ могъ надѣяться. Теперь нахожусь я въ той сценѣ жизни моей, въ которой могу обозрѣть все ея печеніе. Развязка меня обманула ; я ожидалъ совсѣмъ иной — и сіе ожиданіе упѣшало меня въ моихъ горестяхъ и печалихъ. И такъ мнѣ можно думать, что весь планъ жизни моей былъ не хорошъ. Можетъ быть надлежало бы мнѣ знать съ самого начала, что испина есть вы-

мышленная богиня, копорая ни мало не чувствуетъ приносимыхъ ей жертвъ; копорая не награждаетъ и не заслуживаетъ ихъ. Тогда бы не побоялся я душевнаго рабства, и охопно бы наложилъ на умъ свой цѣпи принятой системы; тогда, для совершенной свободы разума моего, копорая казалась мнѣ споль драгоцѣнною и къ изслѣдованію испины споль необходимою, не оставилъ бы я перваго своего отечества, не лишился бы удовольствія жить посреди моихъ близкихъ родственниковъ и друзей, не пожертвовалъ бы всѣмъ домашнимъ благополучіемъ, и могши жить безнужно, покойно, безпечно и въ пріятномъ обществѣ, не избралъ бы прудной, зависимой, уединенной и заботливой жизни; во Франціи быль бы я Католикомъ, въ Голландіи Предестинатистомъ, и вездѣ бы соглашался со мнѣніемъ Сильныхъ и Великихъ; я быль бы другомъ всякому, и во всякомъ нашелъ бы себѣ друга.

Но можетъ быть я отъ собственной своей вины не прѣобрѣлъ того увѣренія, которое теперь могло бы меня успокоить. Можетъ быть спалъ я не въ надлежащемъ мѣстѣ для того, чтобы свѣтъ увидѣть, — свѣтъ, видимой (какъ говорятъ) многими другими людьми. Можетъ быть я умышленно ослѣпился — — Умышленно! Нѣтъ, Милордъ, вы конечно не сомнѣваешься въ моей честности. Вы меня знаете, и припомѣ имѣете такое сердце, которое можетъ сочувствовать затрудненія испытавшаго, не находящаго никакого твердаго основанія для своего успокоенія. Благонемыслившему человѣку, которой безпрепятственно наслаждается щастіемъ своего увѣренія! Какъ часто приходилъ я въ искушеніе завидовать его самодовольствію, когда мнѣ вспѣчалось какое нибудь сомнѣніе, которое ночью не давало мнѣ засыпать, будило меня рано поушру, шерзalo въ уединеніи, а въ общеспѣвѣ придавало мнѣ видъ мечтавшаго или глупца!

Когда сомнѣніе было слѣдствиемъ особливаго рода моихъ упражнений, то я не знаю, какимъ образомъ можно было мнѣ избѣжать онаго. И теперь еще увѣренъ я въ томъ, что испытатель испытаніи долженъ выслушать всѣ споры; что ему не надобно смотрѣть на родъ и санъ учителей; что онъ со всѣхъ сторонъ долженъ разсматривать предметъ свой, дабы узнать его совершенно и прѣобрѣсти разумное увѣреніе. Сїя метода можетъ конечно поколебать старая система, въ которыхъ мы жили такъ покойно; можетъ запутать разумъ въ разныхъ мнѣніяхъ, и такимъ образомъ удалить отъ насъ то увѣреніе, котораго мы искали; но есть ли другой путь для испытателя? Не должно ли ему учиться и сравнивать? Я учился и сравнивалъ; употребилъ на то всю жизнь свою — и въ чемъ же успѣлъ! — О Милордъ! примирите меня, если можете, съ самимъ собою! Сообщите мнѣ хотя искру отъ свѣща вашего щасливаго увѣре-
нія,

нія," которое прежде (ахъ! можемъ быть не совсѣмъ справедливо!) называлъ я именемъ пріятной мечты.

X.

ШАФТСБУРИ КЪ БЕЛЮ.

Любезной другъ!

Какъ бы хопѣлось мнѣ прежде возвратить вамъ здоровье, а по томъ уже, по старому нашему обыкновенію, философствовать съ вами! Но будемъ дѣлать, что можемъ, еспѣли не можемъ всего, чего хотимъ.

Какъ! уже ли жизнь, проведенная въ изысканіи истины — однимъ словомъ, *ваша* жизнь — не есть лучшее пріуготовленіе къ спокойной смерти? Уже ли должно вамъ при смерти раскаяваться въ томъ, что вся жизнь ваша была посвящена сему благородному предмету?

Какихъ вопросовъ еще не могли вы рѣшиТЬ? Зависитъ ли отъ ихъ рѣшенія расположеніе жизни нашей? Развѣ еще не знаете вы, что Богъ всемогущъ, мудръ и благъ? Не знаете,

что мы вѣчно существовать будемъ? Не знаете, что вѣдь добродѣтели со-стоимъ высочайшее благо? — Есть-ли бы вы еще вѣдь семъ не были увѣ-рены, то не удивило бы меня ваше беспокойство. Но уже ли должно намъ проникнуть во всѣ политической таин-ства Божественного правленія для того, чтобы почувствовать вѣдь душѣ своей сїе щасливое увѣреніе? Уже ли мы не повѣримъ, что Богъ есть хорошій Правитель, пока послѣдствіе или конецъ не оправдаетъ всѣхъ мѣръ Его? Я сѣи своей спороны, полагаясь на Его свойства, вѣрю, что все вѣ-царствѣ Его должно быть благо, и почишаю все злое за одинъ *призракъ*, которой исчезнетъ тогда, когда обозримъ весь планъ Его правленія. Вы, любезной другъ, такъ же хорошо думали о Богѣ; зло, примѣченное вами вѣ-мѣрѣ, признавали вы за чуждое, вред-ное распущеніе, которое посвято врагомъ добра, и которое Богъ спа-рается испреблять. Видите, что мы оба рѣшили тѣ сомнѣнія, которыя без-

безпокоили насъ въ семъ важномъ разысканіи — и хотя различнымъ способомъ, однако жь испина, въ которой мы для своего спокойствія имѣли нужду, и мнѣ и вамъ въ удѣлѣ доспалась. Нашедши сюю испину, оставимъ въ нерѣшенїи многіе замѣщенные феномены въ царствѣ Напуры и Благодати. Весь міръ можемъ мы почипать книгою мудраго, писанною тайными буквами, къ которымъ намъ должно угадать ключь. Одинъ, читая книгу Напуры и доходя до явленій въ нашей солнечной системѣ, принимаетъ за ключь движеніе земли, а другой движеніе солнца; оба они, читая книгу по-своему, находяшъ въ ней доказательство премудрости ея Творца. — Вообще знаемъ мы, какое есть намѣреніе божественнаго плана; но какимъ образомъ исполненіе соглашается съ цѣлію? сіе часто бываетъ для насъ таинствомъ. Первое читаемъ мы въ мысленномъ мірѣ, каторой къ намъ ближе, ибо мы находимъ его въ своей внутренности; а второе въ чувственномъ

мірѣ, въ которомъ видимъ только наружную скорлупу. Испытатель старается соединить обѣ нити своего познанія и переходить изъ одного міра въ другой. Есъли находишь онъ затрудненія, которыя кажутся непреодолимыми: то не лучше ли будеѣ ему остановиться при томъ, что онъ признаетъ вѣрнымъ, и въ разсужденіи прочаго не беспокоиться?

Знаю, что не всѣ тѣ, которые занимаются философствованіемъ, думаютъ такъ скромно; напротивъ того многіе почли бы за великой стыдъ не рѣшишь въ минуше самаго труднѣйшаго вопроса. Люди сего рода боятся узнавать мысли другихъ людей, есъли не знаютъ напередъ, что они съ ними одно думаютъ. Слава и временное щастіе имъ дороже святой истины. Наука, подобно добродѣтели, есъль для нихъ то, что горькое лекарство для дѣтей, которыя не понимаютъ, какъ можно принять его безъ лозы или безъ сахара. Но кто любитъ истину только для истины,

тотъ

тотъ радостно обниметъ все то, что обѣщаетъ приблизить его къ оной, хотя бы для сего и надлежало ему на вѣки проспиться съ какимъ нибудь мнѣніемъ, которое было для него пріятно.

Но не устрашимся, еспѣли сїе заславитъ насъ сомнѣваться во многихъ вещахъ, о которыхъ другое говорятъ рѣшительно. Будучи увѣрены въ главномъ, то есть во всѣхъ тѣхъ испинахъ, отъ которыхъ зависитъ расположение жизни нашей, можемъ мы спокойно смотрѣть, какъ мнѣнія Догматиковъ (относительно къ предметамъ любопытства) одно другое опровергаютъ; можемъ спокойно ожидать, на чьей споронѣ будетъ победа, и приставашъ то къ той, то къ другой паршii, слѣдя собственному своему разсудку. Я думаю, что сїе состояніе духа есть для насъ лучшее. Хотя то, что пріобрѣли мы чрезъ важныя свои разысканія, составляетъ весьма немногое; но сїе немногое есть самое нужнѣйшее, и ни-

что не можетъ насъ лишиТЬ онаго. Во всемъ прочемъ пойдемъ мы по широкому, гладкому пупи, на которомъ, смопря по нуждѣ, можемъ и въ право и въ лѣво уклоняТЬся.

И такъ, любезной другъ мой, переспаньше жаловаться на самого себя, и повѣрьте, что Философъ долженъ быть въ разсужденіи испинѣ почно въ такомъ расположеніи, въ какомъ вы теперь. Горе ему, еспѣли голова его такъ наполнена правилами и мнѣніями, что въ ней уже никакого мѣста для сомнѣнія не оспаєтсѧ! Или вы думаете, что топъ въ самомъ дѣлѣ совершенно увѣренъ, кто боится самомалѣйшаго сомнѣнія? Нѣпѣ, любезной другъ! Многіе пришврляютсѧ увѣренными. Они спрашашся утонуть, предавшись спремишельной рѣкѣ разсудка, и лучше хотятъ хващаться за всякую вѣрть слабыхъ гипотезъ, нежели собственою своею силою держаться на поверхности воды. Такъ думаютъ и самые ревностные суевѣры, и самые дерзоспные изъ

въльнодумцевъ. И тѣ и другіе бояли-
ся самомалѣйшимъ сомнѣніемъ поколе-
бать свою систему, чтобы наконецъ,
къ стыду ихъ, она совсѣмъ не раз-
рушилась. И такъ одинъ вѣрилъ вся-
кимъ нелѣпостямъ, а другой ни чему
не вѣрилъ. — Еспѣли вы о сихъ
людяхъ можете сказать, что они на-
шли испину, то я не жалѣю о васъ,
что вы не нашли ее.

Но вы нашли сїю испину ; —
исгину, которую человѣкъ постиг-
нуть можешь — не ту, которая со
Всевѣдущимъ обишаешь ; ибо смерт-
ные очи не могутъ обѣять ея сїянїя.
Слабой, блѣдной лучь ея, каторой
изъ неизмѣримаго отдаленїя сдва, сд-
ва освѣщаешь шествие наше въ поляхъ
ночи, есть все то, что мы отъ
свѣта ея снесли можемъ — все то,
что намъ дано отъ сей испины. Удив-
ляясь ли, сокрушаясь ли намъ, ко-
гда при такомъ неясномъ свѣтѣ мы
иногда заблуждаемся, или не бываемъ
увѣрены въ пущи правомъ ?

Испина не есть такая близкая
цѣль, до которой бы человѣкъ дости-
галъ единожды на всегда. Она есть
для него ничто иное, какъ совершен-
нѣйшее познаніе. Какъ скоро душа
наша почувствуетъ нужду въ знаніи;
какъ скоро ощутимъ въ себѣ желаніе
рѣшиТЬ нѣкошорыя изъ безчисленныхъ
проблемъ, предлагаемыхъ намъ Напу-
рою при каждомъ взорѣ — рѣшиТЬ ѿь,
которые болѣе другихъ до насъ каса-
ются: то беспокойной духъ нашъ
всячески спарается преодолѣТЬ труда-
ностіи изслѣдованія, въ надеждѣ най-
ти полной свѣтъ и непрерывное спо-
койствіе по ту спрану сихъ мрачи-
стей. Суевная надежда! Новые со-
мнѣнія приводятъ насъ въ замѣшатель-
ство; новые проблемы возбуждаютъ
наше любопытство. И такимъ об-
разомъ манитъ насъ одна цѣль за
другою; мы идемъ всегда съ новыми
желаніями, которые никогда не быва-
ютъ совершенно пѣщены, но никогда
же и не исполняются совершенно;
идемъ, и вдругъ нечаянно видимъ себя

при концѣ жизни, но не при концѣ
нашего изысканія. Вотъ общая судь-
ба всѣхъ искателей испини, и ваша,
любезной другъ! Но уже ли будете
вы жаловаться на Всеышняго, что Онъ
далъ вамъ сїе спрѣмленіе къ испинѣ?
Уже ли скажете, что оно дѣлаетъ
васъ нещастнымъ, для того что оно
безконечно? Вы будете лучше думать
о Богѣ, думая лучше о себѣ. Развѣ
другъ мой Бель не выше матроза, ко-
торой на кораблѣ своемъ плыветъ
по океану, никогда не беспокоясь о
томъ, какимъ образомъ сей ко-
рабль по волнамъ катится, какъ ве-
ликіе часы мїра въ безпредѣльномъ
проспранствѣ водѣ показываютъ ему
время, и какъ зрительная труба оп-
крываетъ на небѣ тошь пушь, ко-
торымъ корабль его по морямъ земли
плывть долженъ? — Вотъ вся загад-
ка! Радостные виды спокойствія, ко-
торымъ надѣемся мы насладиться при
свѣтѣ испини, ведутъ насъ отъ од-
наго труднаго изслѣдованія къ друго-
му. Смерть застигаетъ насъ прежде,

не-

ижели мы находимъ сїе спокойствїе ;
но довольно , что существо наше
становится возвышенїе и благороднѣе
отъ распространенія силъ и познаній
нашихъ.

Не отвергните сего упѣшнія ,
на которое имѣете вы такое неоспо-
римое право ! Вы конечно помиритесь
съ собою , когда осмѣлишься справед-
ливо оцѣнить свои достоинства . —
Пріимиша наконецъ искреннѣйшее увѣ-
реніе въ моемъ сердечномъ къ вамъ
почтеніи ; и еспѣли сїе увѣреніе бу-
детъ послѣднее , которое вы въ здѣш-
ней жизни можете принять отъ меня ;
еспѣли по сю сторону гроба вамъ уже
не можно будетъ доказывать мнѣ свою
дружбу : то да исполнится хотя
послѣднее мое земное желаніе , чтобы
вы еще въ семъ мірѣ вкусили въ со-
вершенствѣ то спокойствїе , которое
въ оной жизни васъ навѣрное ожи-
даешъ !

XI.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(*Продолжение.*)

21 Июля.

Вчера два раза былъ я у Виланда, и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ поушчу пришелъ я къ нему въ восемь часовъ, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рабочаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ членія спали красные — таковъ Виландъ. Я прїѣхалъ въ Веймаръ для того, чтобы видѣть васъ, — сказалъ я., Это не споило пруда!,, отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. По томъ спросилъ онъ, какъ я, живя въ Москвѣ, научился говорить по-Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ довольно часто былъ случай говорить съ Нѣмцами, и припомѣ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ

ло Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, которой нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все споюли; изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ меня долго у себя удерживать. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я., Нѣтъ, отвѣталъ онъ: впрочемъ поутру я обыкновенно чѣмъ нибудь занимаюсь., — И такъ позволыше мнѣ прійти въ другое время, сказалъ я: назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я прѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть. — *Виландъ.* Чего вы отъ меня хотите? — *Я.* Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать васъ лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кроме того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — *В.* Вы приводите меня въ замѣшательство. Скажете ли вамъ искренно? — *Я.* Скажу. — *В.* Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особенно съ такими людьми, которыхъ мнѣ ни по чему не

извѣстны. Я въасъ не знаю. — Я. Правда; но чого вамъ отъ меня опасаться? — В. Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешеспвовать и описывать путешеспвїя. Многїе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и спарапаются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику; а отъ этого многїе люди пошерпѣли. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть слишкомъ откровененъ. — Я. Вспомнище, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка — В. Но какая польза намъ знакомищься? Положимъ, что мы сдѣлаемся другъ другу интересны: да наконецъ не надобно ли будемъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не будете жить? — Я. Для того, чтобы имѣть удовольствїе въасъ видѣть, могъ бы я прожить въ Веймарѣ дней десять. И разставшиесь

съ вами, радовался бы я потому, что
узналъ вѣсъ — узналъ какъ отца сре-
ди семейства, и какъ друга среди
друзей. — *В.* Вы очень искрены;
иной бы не сказалъ этого напередъ.
Теперь мнѣ должно васъ остерегаться,
чтобы вы съ этой стороны не при-
мѣтили во мнѣ чего нибудь худаго. —
Я. Вы шупите. — *В.* Ни мало. Сверхъ
много мнѣ бы совсѣмъ было, если бы
вы точно для меня остались здѣсь
жизнь. Можемъ быть въ другомъ Нѣ-
мецкомъ городѣ, на приѣзѣ въ Готѣ,
было бы вамъ веселье. — *Я.* Вы Поэтъ,
а я люблю Поэзію: что бы могло
быть для меня пріятнѣе, если бы
вы позволили мнѣ хотя часъ провести
съ вами въ разговорѣ о сей улади-
тельницѣ жизни нашей? — *В.* Я не
знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можемъ
быть вы мастеръ мой въ По-
эзіи. — *Я.* О! много чести. И такъ
мнѣ оспаетсѧ проспѣться съ вами
въ первой и въ послѣднїй разъ. — *В.*
(посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою)
Я не физиогномистъ; однако жъ видѣ-
вашъ

вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ
нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нра-
вится ваша искренность; и я вижу
еще первого Русскаго такаго, какъ вы.
Я видѣлъ въ шего Ш***, острого че-
ловѣка, напитаннаго духомъ эпохи
старика (указывая на бюстъ Вольте-
ровъ). Обыкновенно ваши единоземцы
стараются подражать Французамъ; а
вы — — Я. Благодарю. — В. И такъ
еспѣли вамъ угодно провеспи со мною
чата два-три, то приходите ко мнѣ
нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третья-
го. — Я. Мнѣ можно болѣться — —
В. Чего? — Я. Того, чтобы посѣ-
щеніе мое не было вамъ въ пягость.
— В. Оно будетъ инѣ пріятно, го-
ворю я, и прошу васъ не думать,
чтобы вы одни на свѣтѣ были искрен-
ны. — Я. Проспите! — В. Въ
третьемъ часу васъ ожидаю. — Я.
Буду. Проспите!

Вотъ вамъ подробное описаніе
нашего разговора, которой сперва за-
дѣпилъ за живое мое самолюбіе. Окон-
чаніе меня нѣсколько успокоило; од-

иако жъ я все еще въ волненїи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой деньѣ тѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласковостію, какъ и вчера — съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ патріархальной искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ осшапки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, еспѣли бы я изъ Швейцаріи про брался въ Италію, и взглянулъ на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественные развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о шѣйности всего подлуннаго? А сїя мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большой части непонятною.

,Эту книгу сочинялъ я въ моей моло-
дости, отвѣчалъ онъ, когда вообра-
женіе мое было во всей своей спре-
мимельносити, и когда оно еще не
давало разуму отчета въ пушахъ сво-
ихъ., — Духъ вашъ, сказалъ я прощаюсь
съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ
сочиненіямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть
вашъ образъ въ душѣ моей, и для то-
го я пришелъ къ вамъ — теперь ви-
дѣлъ васъ, и доволенъ. Просните!

Гердеръ не высокаго росту, по-
средственной толщины, и лицемъ очень,
очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его по-
казываютъ необыкновенной умъ — [но
я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не
почли меня какимъ нибудь физиогноми-
ческимъ колдуномъ.] Видъ его важенъ
и привлекателенъ; въ минѣ его нѣшъ
ничего принужденного, ничего такого,
что бы показывало желаніе казаться сл-
ѣмѣнику будь Онъ говоритъ тихо и
внятно; даетъ вѣсъ словамъ своимъ,
но не излишной. Едва ли по разго-
вору его можно подозрѣвать въ немъ
скромнаго любимца Музъ; но великай

Ученой и глубокомысленной Метафизикъ сокрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, котороиѣ былъ намъ прежде сполько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать Гердеровы сочиненія, воспоминая при семъ чтеніи видъ и голосъ Ашора.

Въ 9 часовѣ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькия, прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. Батюшка васъ дожидается, сказалъ одинъ. Батюшка васъ дожидается, сказала другая. Подите къ нему, сказали двое вмѣстѣ. Я васъ провожу, сказалъ первой. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и по томъ уже пошелъ къ ихъ баптишкѣ. Простите — сказалъ я, вошедши къ нему — прошу, еспѣли давище

мое посещение было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не почтете нѣкоторою наглоспїю того, что было плодомъ энтузіазма, произведенаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — „Вы не имѣете нужды извичаясь, оправдывайтесь: я радъ, что этотъ жаръ къ Поэзии такъ далеко распространяется, тогда, когда онъ въ Германіи пропадаетъ.“ — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, которой минута опѣрь минуты становилась живѣе и дѣлала меня интереснѣе. Говоря о любви своей къ Поэзии, сказалъ онъ: „Если бы Судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я бы все же написалъ, и съ такимъ же бы тщаніемъ выработывалъ свои сочиненія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни.“ Онъ желалъ знать, пишу ли я? а потомъ, не переведено ли чѣмънибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *петальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: „Жалѣю, если вы часто

бываеше въ такомъ расположениі, какое здѣсь описано., — „ Скажише, продолжалъ онъ — по тому что теперь я начинаю вами интересоваться — скажише, что у васъ въ виду? „ Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ я для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія, и обогатить свое воображеніе новыми образами, буду жить въ мірѣ съ Натурою и съ добрыми, во всемъ искать изящнаго и радоваться имъ, воспоминать пріятное и забывать непріятное. — „ Кто любитъ Музъ и любимъ ими, скажалъ Виландъ, потѣ въ самомъ уединеніи не будетъ праздникъ, и всегда найдешь для себя пріятное дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ своего удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его щасливымъ. „

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — „ Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ обольщать своихъ читателей, какъ Боннептъ; а особенно такихъ чита-

телей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философию свою.,, — О Канпѣ говориша Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ своей головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ штупуломъ *Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens*, которое только что отпечатано, и которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтише его, сказалъ онъ мнѣ, естьли вы читаете книги такого рода. Вашъ Агатонъ, или Оберронъ для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однако жь иногда изъ любопытства заглядываю и въ область Философіи. —,, А развѣ Агатонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ решены самые важнѣйшиѣ вопросы Философіи.,, — Правда, сказалъ я: и такъ прошу извинить меня. —

Съ любезной искренностью открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о

иъкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаешьъ, но только полагаешь различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова.

Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что иѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Руской. „Но каковъ переводъ?“, спросилъ онъ. — Не можешъ нравиться пѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. „Такова моя участъ, сказалъ онъ: и Французскіе и Англійскіе переводчики меня обезобразили.“

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, пожалъ ее и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ щастія въ жизни. „Вы видѣли меня таковыми, каковъ я подлинно, продолжалъ онъ. Просните, и по временамъ увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Просните!“, — Тутъ мы

обня-

обнялись. Мне казалось, что онъ былъ иѣсколько пронутъ; а это самого меня пронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разспались — можетъ быть на вѣчно. Никогда, никогда не забуду я Виланда. Естѣли бы вы видѣли, друзья мои, съ какою опкровенностью, съ какимъ жаромъ говорить сей почти шестидесятипѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состраховась и силы ея не испошились. Клемлія и Синибальдъ, послѣдняя изъ поэмъ его, писана съ такою же полною духа, какъ Оберронъ, какъ Музаронъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ известенъ онъ въ Германіи какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, на примѣрѣ *правоугительныхъ повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи

маніи, и находила въ нихъ много недостатковъ; однако жь отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ публикованія его комигескихъ повѣстей, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языке тогда единственными. Удивлялись его остропѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. По томъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онъ покойится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Еспѣли Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой литературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, когда Нѣмцы прилежали только къ сухой учености или эрудиціи) — еспѣли знающіе и справедливѣйшіе изъ нихъ признаются, что Нѣмцы не только во

многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно, произвели сїе отчасти Виландовы сочиненія, хотя и не весьма хорошо на Французской языкѣ переведенные (правда, все несравненно лучше, нежели на Русской).

Вчера ввечеру, проходя мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно, — остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное и хорошее Греческое лицо! Нынѣ поупру заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену. — Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные Писатели: Бершухъ, Боде, и проч. Первой перевелъ съ Гишпанскаго донъ-Кишота, и выдавалъ магазинъ *Гишпанской и Португальской литературы*; а впoreй прекрасно перевелъ съ Англійскаго Стерново *путешествие* и Три-спрама Шанди. Герцогиня Амалія любилъ дарованія. Она призвала къ своему Двору Виланда и поручила ему воспитаніе молодаго Герцога; она при-

призвала Гете, когда онъ прославил-
ся своимъ Вершеромъ; она же при-
звала и Гердера въ начальники здѣш-
няго духовенства.

Проспите, друзья мои! Ясная
ночь вызываетъ меня изъ комнаты.
Беру свой страннической посохъ —
иду смотрѣть на засыпающую При-
роду, и спранствоватъ глазами по
звездному небу.

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ рассказывали здѣсь разныѣ
анекдоты о нашемъ Л*. Онъ прїѣхалъ
сюда для Гете, друга своего, съ ко-
торымъ онъ вмѣстѣ учился въ Спраэ-
бургѣ, и котороїѣ былъ тогда уже
при Веймарскомъ Дворѣ. Его приня-
ли очень хорошо, какъ человѣка съ
дарованіями; но скоро примѣтили въ
немъ великій странности. На прим.
однажды явился онъ на придворной балѣ
въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ, и въ
ту минуту, какъ всѣ обратили на
него глаза и ахнули отъ удивленія,
онъ

онъ спокойно подошелъ къ знанійшай дамѣ и позвалъ ее танцевать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, копорое доспавило ему удовольствіе смияться отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, соспавляющіе Веймарской Дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за сїе по крайней мѣрѣ отрубить голову. — Съ самаго своего прїезда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя пѣсни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей. Онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминулъ въ нихъ уподобить себя Иксюну, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу. — Однажды онъ вспрѣшился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы подойти и поклониться ей, упалъ онъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя пройти или проѣхать. На

дру-

другой день всѣ знакомые получили отъ него по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогина и онъ самъ, споящій на колѣнахъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли его занять совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣтлости; и для шого подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ шѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но наконецъ Гете съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и по томъ отправился странствовать по бѣлому свѣту. —

Теперь принесли мнѣ супъ; а послѣ обѣда поѣду въ Эрфуртъ. Прощипе, друзья мои!

Эрфуртъ, 22 Июля.

Въ два часа прѣхалъ я сюда изъ Веймара , остановился въ трактирѣ (котораго имени , право , не знаю) и выпивъ чашку кофе , пошелъ на такъ называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской монастырь . Пришедши туда , вопросилъ я первого вспрѣшившагося мнѣ отца указать то мѣсто , где погребенъ Графъ Глейхенъ . *Голстой* отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охрипымъ голосомъ сказалъ мнѣ , чтобы я шелъ къ отцу церковнику . Мне надлежало идти черезъ длинныя сѣни или коридоръ , где въ мерцающемъ сумракѣ предстали глазамъ моимъ распятия и угасшія лампады . Проводникъ оставилъ меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника . Трудно описать , что чувствовалъ я , прохаживаясь одинъ въ глубокой тишинѣ по симъ темнымъ переходамъ , и посматривая на распятия , на лампады и на старыя картины , на которыхъ изображены были разныя спрашныя сцены . Мне казалось , что я пришелъ

въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сїе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярості волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшенными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я запрепеталъ, и холодной ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ щастію моему, въ самую сїю минуту пришелъ мой проводникъ, и призраки моего воображенія исчезли. Отецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими отцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я. Могу, опровергъ онъ, еспѣли вы только его хотите видѣть. — Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ широкія скованыя доски, и я увидѣлъ большой камень. — Выслушайте испорю.

Когда святая ревность, выгнать невѣрныхъ изъ земли обѣщованной,

заразила всю Европу, и благочестивые рыцари, крестомъ означеные, успремились къ восстоку: тогда и Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ спаснамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества. Скажу только, что и самые храбрѣйшіе рыцари Християнства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить нещастіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знамнаго Магометанца, которой велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, нещастной Графъ поливалъ двѣты, фіялки и колокольчики, лилии и розы. — Долго Герой вздыхалъ въ поносной неволѣ. И пѣши бы были всѣ его вздохи и всѣ обѣзы, еспѣли бы прекрасная Сарацынка, Милая дочь господина его, не обратила на него взоровъ нѣжной любви. Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его;

часто видѣла его молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая спыдливость, добродѣтель юныхъ девическихъ душъ, долгое время не допускала ее изъяснишься и сказать невольнику, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ искра воспылала — спыдливость исчезла — любовь не могла уже таиниться въ сердцѣ, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленнаго Графа. Ангельская невинность ея, двѣпущая красота, еще не пожженная пламенемъ восточнаго сладоспрастія, и способъ къ свободѣ — все сіе заспавило его забыть, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, еспѣли она согласится оставить своего отца, свое отечество, и бѣжать съ нимъ въ спраны Христіянскїя. Но она уже не помнила ни отца, ни отечества — Графъ былъ для нее все. Прекрасная лепитъ, приноситъ ключъ, опираетъ попашенную дверь въ поле — лепитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ

одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріяспиша имъ ихъ побѣгу. Шансливо достигаюпъ они до спасенія Графскаго. Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго почитали они погибшимъ, и съ любовыщемъ смотрятъ на его спасенную сопутницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятия. „Ты опять меня видишь, любезная супруга! говорить Графъ: благодари же ее (указывал на свою избавительницу) — она оставила для меня отца и спасеніе свое. Ахъ! я клялся любить ее! „ — Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои. Сарацynка открываетъ свое лицо, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ: я теперь раба твоя! „ — „Ты сестра моя, отвѣчаешь Графиня, подымая и цѣлуя Сарацynку: супругъ мой будешь твоимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его. „ — Графъ удивляется великодушію своей супруги — прижимаетъ ее къ своему сердцу —

всъ обнимаюся и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей пройственной союзъ, и самъ Папа подтвердилъ его. Миръ и щастіе обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги, по блаженной своей кончинѣ, были погребены вмѣстѣ — въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которому рука усерднаго художника вырезала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Полюбовавшись пріятнымъ видомъ съ Петровой горы, пошелъ я въ сиротской домѣ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На споликѣ лежитъ Нѣмецкая Библія первого изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы простой монахъ,

жившій во мракѣ эпохѣ кельї, сдѣлалъ па-
кую великую реформу въ Римской цер-
кви, вопреки Папѣ и Императору! —
Вышедши изъ кельї, увидѣлъ я въ ко-
ридорѣ множество странныхъ картинаў.
На одной изображенъ Императоръ, къ
которому смерть, въ видѣ скелета,
подходитъ и докладываетъ съ низ-
кимъ поклономъ, что ему пора сло-
жить съ себя земное величіе и оп-
правившися на томъ свѣтѣ. На дру-
гой представлена актриса, а позади
нее смерть въ царскомъ одѣяніи, под-
нимающая кинжалъ, на копоромъ взо-
шкнула маска. На третьей изображены
содержатель типографіи въ штофномъ
халашѣ и въ большомъ парикѣ, по-
мощникъ его и смерть, холящая под-
косить ноги перваго; а внизу под-
писано, что и содержатели типографій
умереть должны! и проч. и проч.

Гота, 23 Іюля въ полночь.

Я приѣхалъ сюда въ одиннадцать часовъ упра, и остановился въ прак-тире колокольтика. Сильная головная боль заставила меня пролежать на по-спелѣ весь день. Вечеру я всталъ, походилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и феерверкъ, которыи Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, прї-ѣхавшаго къ нему въ гости. Иллюми-нація, — со множествомъ народа, между которыми терлись и Офицеры и При-дворные, — представляла въ ночной темнотѣ весьма пріятное зрѣлище.

Франкфуртъ на Майнѣ,

Іюля 28.

Вчера ввечеру, милые друзья мои, приѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надле-жало мнѣ ночевать — (я ѿхалъ на орди-нарной почтѣ) — или по крайней мѣрѣ стоять по нѣсколько часовъ. Дороги вездѣ

вездъ прескверныя, такъ что надо бѣно бѣхать все шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ почтовой коляскѣ очень пропорно, п. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая бѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего занимательнаго не попадалось мнѣ въ глаза, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много интереснаго для своего сердца.

Только дикия окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Природы. Еще замѣтилъ я замокъ Варбургъ, которої лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ кошоромъ послѣ Вормсскаго сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ. Тутъ возвышаются два камня, въ которыхъ воображеніе находилъ нѣчто похожее на человѣческія фигуры, и о которыхъ, по спарому преданію, разсказывается слѣдующая

сказка: Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовью; тщетно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его пылала и волновалась. Образъ прекрасной монахини безпрестанно присутствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушной сердцу, не могъ произнести ничего, кроме: *лю-
блю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ топъ монастырь, где заключена была прекрасная; часто, смотря на нее, проливалъ онъ пламенные слезы, и видѣлъ огненной румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатической слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, спрашивались чувствъ своихъ и — писали ихъ. Наконецъ молодой монахъ трепещущую рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая се-
стри! не далеко отъ монастырскихъ во-
ртъ, въ правую сторону, возвышает-
ся крутая гора. Я буду тамъ при-
наступлении ноги. Или ты, прекра-*

сная,

стал, будешь тамъ же, или я свергнусъ съ высокаго утеса, и умру временною и быстрою смертию. — Сердце ея запрепещало. Мне видѣть его — думаешь она — мне видѣть его за спѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ спрашнаго грѣха самоубийства.,, — Она находитъ способъ выйти ночью изъ монастыря — идетъ во мракъ и спрашивается всякаго шороха — всходитъ на гору, и вдругъ чувствуешь себя въ объятіяхъ своего спаснаго обожателя. Они забываютъ все, пропеющутъ въ восторгѣ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, немѣютъ члены, сердца перестаютъ биться, и Небесной гнѣвѣ превращаетъ ихъ въ два камня. „Вы видите ихъ „, — сказалъ мнѣ поспиллонъ, указывая на верхъ горы. — — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ шипуломъ: *der Mönch und die Nonne.*

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко по сю сторону Гиршфельда, поспилліонъ мой остановился подъ одного дома. Я почелъ сей домъ трактиромъ, вошелъ въ него, и у перваго человѣка, которой встрѣтилъ меня съ низкимъ поклономъ, потребовалъ рейнвейна и воды; по томъ сѣлъ на спулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнатѣ было еще человѣка четыре, которые съ великою учтивостію начинали говорить со мною. Принесли бутылку рейнвейна. Я пилъ, хвалилъ вино, и наконецъ спросилъ, что надобно залаштить за него? „Ничего, отвѣчали мнѣ съ поклономъ: вы не въ трактире, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, которой очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвайнъ.“, Возразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя шляпу и спалъ извиняясь. „Ничего, ничего!“ сказалъ мнѣ хозяинъ: „Молько прошу васъ бышь благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ.“, Я буду учтивъ,

учивъ, почтителенъ, и все, что
вамъ угодно, — отвѣчалъ я. — При-
шла дочь его, девушка лѣтъ въ двад-
цать, изрядная собою, въ зеленомъ
суконномъ серпукѣ и въ черной шля-
пѣ. Мы рекомендовались другъ другу
сѣли въ коляскѣ рядомъ и поѣхали
Каролина (шакъ называлась девушка
сказала мнѣ, что она ѻдѣлѣ въ де-
ревню къ своей тещѣ). Я не хотѣлъ
безпокоить ее никакими дальнѣйшими
вопросами, вынулъ изъ кармана сво-
его *Vicar of Wakefield* и началъ читать.
Сопутница моя спала зѣвать, жму-
рилась, дремала, и наконецъ голова
ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ
пронуться, чтобы не разбудить ее;
но вдругъ насъ шакъ тряхнуло, что
она отлѣтела отъ меня въ другой
уголъ коляски. Я предложилъ ей боль-
шую свою подушку. Она взяла ее,
положила себѣ подъ голову и опять
заснула. Между тѣмъ смерклось, и
наступила ночь. Каролина спала крѣ-
кимъ сномъ и почти не просыпалась
до самаго утого мѣста, гдѣ надлежало
мамъ

намъ съ нею разспасться. Что при-
надлежитъ до меня, то я велъ себя
такъ честно, какъ цѣломудренной ры-
арь, боящійся однимъ нескромнымъ
ромъ оскорбить спыдливость по-
ленной ему непорочности. Рѣдки
е примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ,
зъя мои, рѣдки! Каролина, по сво-
евинности, не почла за должность
благодарить меня за мою воздер-
жность, и проспилась со мною очень
сухо. Богъ съ нею!

Ни гдѣ во всю дорогу не было
менѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ.
Я прїѣхалъ туда въ пять часовъ ве-
чера, и долженъ былъ пробыть тамъ
до полуночи. Городъ не представлялъ
менѣ ничего примѣчанія достойнаго,
и я не зналъ, что дѣлать. Читать
не могъ — писать также, хотя
Почтмейстерша, по моему требова-
нию, и принесла менѣ цѣлую штѣрадь
бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ
я о друзьяхъ отдаленныхъ, чувство-
валъ сиропство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь,
и остановился въ трактирѣ звѣзды,
гдѣ отвели мнѣ очень хорошую ком-
нату.

(Продолженіе спрѣдѣ)

XII.

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА.

БАСНЯ.

Въ прекрасной весеннїй вечерѣ
сидѣлъ любезной соловей на розовомъ
кусточкѣ и пѣлъ свои восхитительныя
пѣсни. Всѣ птицы слетѣлись, и въ
глубокомъ молчаніи слушали его пѣніе.
Наконецъ соловей умолкъ; но птицы
все еще сидѣли и слушали: ибо слад-
кой голосъ его все еще отзывался въ
ихъ слухѣ. Между прочими перна-
тыми была шутка и ворона, глупая,
но честолюбивая птица. „Не уже ли —
думаетъ она — одинъ соловей пѣть
умѣетъ? Развѣ у меня нѣтъ голосу?
и развѣ не могу я сѣсть на этотъ
кустъ?,, — Съ сею мыслю ворона
поднялась, сѣла на розовую вѣшь (ко-
торая отъ ея тяжести пригнулась къ

земль) и запѣла , или, лучше сказать, закаркала во все горло . Что же вышло ? Всѣ птицы , услышавъ ея пропивное карканье , поднялись и полетѣли прочь отъ розового кусточка . Ворона разсердилась , пустилась въ слѣдъ за ними и кричала имъ издали : „Развѣ вы глухи ? Развѣ вы не слышишь , что и я пою ? „ — Да не такъ какъ соловей , отвѣчалъ ей петеревъ , которой лепѣлъ позади прочихъ птицъ .

Безграмотные (*) Рускіе спильтворцы ! и вы поете ; но — —

XIII.

РАЙСКАЯ ПТИЧКА.

Благочестивой старецъ , провождавшій Небу посвященные дни свои

въ

(*) То есть тѣ , кошорые ни чишашъ ни писашъ не умѣють ; но я , ниже подписьшійся , не знаю ни одного Рускаго спильтворца , кошорой бы не умѣлъ ни чишашъ ни писашъ , и пошому думаю , что сочинитель сей басни говорить о фантомахъ своего воображенія . — Издатель .

въ мирномъ монастырѣ, пошелъ однажды въ лѣсъ собирать смоквы для брашской трапезы. Предавшись священнымъ своимъ размышлениямъ, зашелъ онъ далеко въ мрачную густоту лѣса, гдѣ нога смертного до сюда не бывала, и куда самые звери заходишь не дерзали. Вдругъ слухъ его пленяется пѣніемъ птички. Онъ слушаетъ, восхищается, забываетъ самого себя, забываетъ вселенную, и спошь неподвижно какъ мраморъ. Лепишь время, и не смеетъ прикоснуться къ нему крылами своими; не смеешь прервать его вниманія: ибо оно было подобно вниманію вѣчныхъ жищелей неба. Наконецъ птичка умолкла. Благочестивой спаредъ, пришедши въ себя, благодарилъ Всевышняго за шо удовольствіе, которое Онъ благоволилъ послать ему въ сладостномъ пѣніи сей птички, и пошелъ обратно въ свою обитель. Приходишь, и видишь — другія стѣны, другую церковь, другія кельи и другихъ монаховъ; — не вѣришь глазамъ.

своимъ, идешъ къ начальнику монастырскому, и въ изумлении вопрошаешь его: „Скажи, ошесъ пресподобнай! скажи, какое чудо преобразило сю обитель? За нѣсколько часовъ передъ симъ я вышелъ изъ нее, и теперь нахожу все иное.“ — Мы тебя не знаемъ, пришелъ! отвѣтилъ начальникъ. — Старецъ рассказывавшъ исторію монастыря своего — именуетъ своего Архимандрита. „Изъ древнихъ лѣтописей нашей обители известно мнѣ все подобою повѣствуемое, сказалъ съ удивленіемъ начальникъ: известно мнѣ и самое имя сего Архимандрита; но онъ жилъ за тысячу лѣтъ передъ симъ.“ — „Теперь небесной лучъ освѣщаетъ очи мои! воскликнулъ старецъ во глубокомъ размышленіи, и видъ его привелъ въ трепетъ всѣхъ присутствующихъ, ибо въ немъ было нѣчто божественное — „Братія! я слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ!“ — Тутъ ходилъ онъ изъяснясь сладость сего

иѣнїя; но языкъ его тупѣетъ, взоръ его меркинетъ — онъ падаетъ, и свящая душа вылезаетъ изъ плѣнного тѣла. На камнѣ, покрывающемъ могилу его, вырѣзаны сїи слова: онъ слышалъ пѣніе райской птицѣ, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ (*).

Любезная Аглая! я также нечувствую времени, когда внимаю своему пѣнію!

XIV.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, &c. Т. е.
Путешествіе Анахарсиса по Греціи.

(Продолженіе.)

Часть III. Подъ предлогомъ, что у одного изъ друзей его родился сынъ, котораго высипываютъ онъ со всевозможнымъ спараніемъ, описываетъ Анахарсисъ (спр. 1 — 68) воспитаніе

Н 2

Аен-

(*) Мысль сїи піесы взята изъ Русской народной сказки, и показываетъ, что у насъ на Руси давно уже имѣли понятіе о чудесномъ дѣйствіи гармоніи на сердце человѣческое. Я нахожу въ сїи выдумкѣ иѣчто піищическое.

Аениянина отъ начала рожденія его до
того времени, въ которое онъ бе-
ретъ на себя какую нибудь должностъ
въ Республике. Авторъ сообщаетъ намъ
главныя правила Аристотелевої мора-
ли, и включаетъ прекрасной разговоръ
Сокраша съ Главкономъ (изъ Ксено-
фонта). По помъ разсматриваетъ Гре-
ческую музыку какъ съ искусственной,
такъ и съ моральной стороны (страницы
69 - 124). Въ первой части, кажется,
слишкомъ много учености; тутъ не
льзя бы было ожидать разсужденія *о*
правилахъ музыки вообще. Вторая
часть намъ лучше нравится, а особен-
ливо справедливыя и глубокомысленные
примѣчанія, какъ съ паденiemъ Грече-
ского героизма и музыка становилась
время отъ времени нѣжнѣе, и нако-
нецъ, въ противность первой своей цѣ-
ли, обратилась только въ *одно удо-*
вольствіе. — Весьма искусно изобра-
жааетъ намъ Авторъ нѣкоторые Аени-
скіе характеры, по большой части
изъ Теофраста. Тутъ играетъ роль и
Циникъ Диогенъ. — По помъ Анахар-
иса

сисъ говориша собственно о Греческой учености, подъ видомъ, будто бы описываетъ библіотеку Эвклидову, и проходитъ Іоническую, Элеатическую и Пиѳагорическую школу. Отдѣленіе, гдѣ Авторъ вводитъ перво-священника Калліаса (предлагающаго разныя мнѣнія Греческихъ Философовъ о Богѣ, творенїи, добродѣтели, человѣческой душѣ и начальномъ веществѣ вещей) могло бы одно сосставить славу его. — По томъ слѣдуетъ по порядку Астрономія Грековъ, съ ихъ понятіями о жителахъ земли. Послѣднія предлагаютъ Авторъ весьма кратко; а что касается до Астрономическихъ ихъ понятій, столь недостаточныхъ, что ихъ безъ большей попери можно бы было еще скратить. Однако жь слогъ и разные включенные анекдоты дѣлаютъ сю, впрочемъ сухую матерію для читателя пріятною. — Аристиппъ по большой части все самъ говориша (страницы 235 - 250), и представлень лучшимъ Философомъ, нежели какимъ

обыкновенно почитаютъ его. Нѣкоторые весьма ложно изъясняютъ его правило: *страйся наилучшимъ образомъ пользоваться настоящимъ*, говоря, что онъ не велитъ думать о будущемъ. Самое увѣщаніе его, не предаваться никакой спраски такъ, чтобы она впредь могла совершенно управлять нами, доказываетъ пропивное, имъя въ предметѣ будущее. — Мѣсто Философа заступаетъ другой примѣчанія достойной человѣкъ, Дионъ Сиракузецъ. Тутъ же Платонъ даетъ отчепъ въ трехъ своихъ Сицилийскихъ пушесспвяхъ. Дионъ помышляетъ о мщеніи пропивъ Тирана. Платонъ не совѣтуетъ ему ишти въ Сиракузы, а Исторія говоритъ пропивное. — Во второмъ пушесствіи въ Беотію говоритъ Анахарсисъ Θивахъ, о народномъ характерѣ и Трофоніевомъ Оракулѣ, которой почитаетъ онъ за обманъ, и припомъ за грубой обманъ. — При семъ слу чаѣ Гезіодъ и Пиндаръ, родомъ Беотійцы, получающіе достойную по хва-

хвалу. — Послѣ Беотіи слѣдуетъ
Ѳессалія. Сперва описывается собра-
ніе Амфіктионовъ въ Антепѣ. Весь-
ма интересно описание суевѣрныхъ об-
рядовъ славныхъ Ѣессалійскихъ вол-
шебницъ (страницы 343 - 350). — Язонъ
Фереской, достойной примѣчанія по
своей въ самомъ дѣлѣ великой душѣ,
и его наслѣдникъ Александръ, пред-
ставлены въ двухъ противополож-
ныхъ картинахъ. Еще съ большимъ
искусствомъ описана славная долина
Темпе. Оттуда вѣдетъ Анахарсисъ
въ Эпиръ, Акарнанию и Этолію. Въ
первомъ всего примѣчательнѣе Оракулъ
Додонской. Плавя подлѣ береговъ Лев-
кадскаго мыса, видитъ онъ приноше-
ніе *огнесточильной жертвы*, котороя
состояла въ томъ, что ежегодно низ-
вергали въ море приговоренного къ
казни преступника. Не забыты и не-
щастные любовники, искашившіе въ вол-
нахъ упѣшенія. — Тутъ слѣдуетъ
описаніе Пелопонеса, и началомъ слу-
житъ Мегара, гдѣ училъ тогда Эвклидъ,
бывшій Сократовъ ученикъ. Гораздо

уже пространнѣе описаніе Коринея; однако жъ кажется, чтобы Авторъ могъ еще многое взять изъ Павзанія, хотя онъ зналъ уже не древній, а возобновленной Коринеѣ. Когда Авторъ (страница 432) вступается за Медею (которая, правда, только отъ Эврипида сдѣлалась убийцею дѣтей своихъ на всѣхъ Театрахъ и у всѣхъ Поэзовъ) и когда онъ, слѣдя Павзанію, говоритъ, что Коринеяне убили юныхъ сыновей ея: то ему надлежало бы сказать, и для чего — а именно для того, что Медея съ сими дѣтьми прислала смертоносные подарки своей совмѣстницѣ. — Говоря о Венериныхъ жрицахъ въ Коринеѣ, онъ только что упоминаетъ о извѣстной Ласиѣ. Пусть въ ней было мало похвального; однако жъ она все принадлежитъ къ доспопамятнымъ женщинамъ древности. Напротивъ того подробнѣ разсказывается Періандрова сомнительная Исторія. — Сидонъ почитается источникомъ искусствъ. Ахая описывается весьма крашко; но

тѣмъ

шѣмъ интереснѣе опицѣленіе о Элисѣ, въ которомъ описываются Олимпийскія игры — прекрасная картина, показывающая и великую ученость Автора и способность къ живописанію! Только нѣкоторыя малости можно замѣтить. Напр. по описанію на стран. 507 можно заключить, что въ бѣгѣ на колесницахъ пять человѣкъ скакали вокругъ *одной* цѣли; а известно, что каждая колесница имѣла свою цѣль, потому что въ прописномъ случаѣ были бы стороны весьма неравны. — Говоря, что женщинамъ подъ смертною казнью запрещено было смотрѣть на сіи игры, надлежало бы упомянуть о Ференицѣ, о которой говорятъ Павзаний и Плиній, и которая, будучи дочерью, сестрою и матерью Олимпийскихъ побѣдителей, получила разрешеніе видѣть ихъ. — Удивительно показалось намъ, что онъ, описывая шамошнія произведенія искусства, говоритъ такъ мало о славномъ Ципседовомъ сундуке.

Въ четвертомъ томѣ говорится
ночти все о Спарѣ. — Тутъ описы-
вается Ксенофонъ, наслаждающійся
въ Сциллонѣ спокойствіемъ мудре-
ца. Онъ разсказываетъ извѣстную по-
вѣсть о Араспѣ и Пантѣ. — По
томъ ѿдѣтъ Анахарсисъ прямо въ
Мессенію, и прїезжаетъ туда въ са-
мое то время, когда Мессенцы, при-
званные назадъ Эпамиондомъ не за-
долго передъ его смертію, возвращают-
ся по долговременному изгнанію въ своє
отечество. По сему случаю описы-
ваются войны Спартанцовъ съ Мес-
сенцами, и геройскія дѣла двухъ Ари-
споменовъ. Авторъ предлагаетъ все
сіе въ пріятной піимической одеждѣ,
впрочемъ основываясь на Исторіи. —
Анахарсисъ прибываетъ (стран. 75)
въ Лаконію. Надобно бы было написать
цѣлую книгу, если бы хотѣли мы
следовать за нимъ шагъ за шагомъ.
Правда, онъ описываетъ не столько
учрежденіе тогдашней Спарты (кото-
рая уже гораздо пропивъ прежняго
перемѣнилась) сколько учрежденіе того
граж-

гражданского общества, которое основалъ Ликургъ, и которое долгое время пребыло въ первоначальной чистотѣ своей. Въ семъ описаніи видно приспрастие его по тому, что онъ собственно ничего не охуждаетъ, кроме немилосердаго съченія невинныхъ юношь у Діанина олтаря (гдѣ однако жъ доказывается, что въ семъ случаѣ не надлежащимъ образомъ исполняли предписаніе Ликургово). Онъ нагихъ пляскахъ Спартанскихъ лѣвицъ (по его словамъ *полунагихъ*) упоминаетъ онъ съ изъявленіемъ нѣкотораго неудовольствія. Напротивъ этого убіеніе слабыхъ младенцевъ извиняется; а обѣ извѣстномъ поощреніи лѣтей къ тайному воровству говорить такъ: „Оно не подавало по-вода ни къ разбойничеству, ни къ „развращенію, а пріучало шолько „мальчиковъ къ проворству, другихъ „же гражданъ къ осторожности, и „во всѣхъ вообще производило боль- „шій навыкъ къ предусмотрѣнію не- „пріятельскихъ намѣреній, къ вовле-

„, че-

„ченою непрѣяпеля въ сѣти, и къ уничто-
жению сго хитростей. „ — Чѣ-
кается до умерщвленія безоружныхъ
Гелотовъ (варварство, которое всѣ-
ми вообще охуждаєтся), то Авторъ
отчасти въ семъ сомнѣваєтся, от-
части спарапаетъ оное извинить. Ре-
цензентъ, ни мало не думающій ума-
лять добродѣтелей Спартанцевъ, о-
смѣлился бы сдѣлать нѣкоторыя возра-
женія Демонаксу, защищающему (страница.
285) своихъ согражданъ противъ од-
ного Аѳинянина. Однако жъ Авторъ,
будучи слишкомъ снисходителенъ въ
разсужденіи *цѣлаго*, справедливъ въ
разсужденіи *частныхъ* Спартанцевъ,
и описываетъ на пр. Лизандера до-
спойными его красками. — Изъ Лаконіи
ѣдетъ Анахарсисъ въ Аркадію. Сія
земля болѣе примѣчанія достойна по
характеру своихъ жителей, нежели
по городамъ своимъ; и въ описаніи
Мегалополиса, Манинси, Фигалы и
пр., всего интереснѣе для наѣзда вклю-
ченные анекдоты. — Описаніе Арго-
лиса гораздо уже занимательнѣе, а
особ-

особливо, когда Авторъ говоритъ о самомъ Аргосѣ и служеніи Эскулапія въ Эпидаврѣ (страниц. 254). — Переходъ къ Платоновой Республике можетъ здѣсь удивить читателя; но можетъ быть Авторъ нарочно хотѣлъ послѣ Ликурговой существенной Республики описать мысленную Сія прекрасная мечта представлена въ живой картицѣ, и при концѣ ясно показано, что Платонъ самъ чувствовалъ невозможность ея. Две главы о торгѣ, доходахъ и расходахъ Аѳинской Республики, хотя и определены отъ другихъ, но принадлежатъ къ плану цѣлаго. Однако жь мы не понимаемъ, для чего Авторъ (432-455) на двадцати четырехъ страницахъ говоритъ намъ о всеобщихъ правилахъ Могики. Онъ бы могъ только исторически показать, что Греческие Философы были основателями сей науки; а то здѣсь, кажется, не можно изѣяснять намъ, что такое *accidens*, *individuum*, *syllogismus* и пр. Въ самомъ отдельнѣи о краснорѣчии лучше бы

бы было сообщить намъ исторію Греческаго краснорѣчія, нежели говорить, что такое есть Риторика вообще. — Разныя изъясненія въ семъ томъ весьма интересны, а особенно, что Авторъ говоритъ о такъ называемой Крипти Спаранцевъ.

Пятой томъ начинается довольно пространнымъ описаніемъ Аппиической сельской жизни и правилъ экономіи. Тутъ же Авторъ находитъ мѣсто для Платонова романа о сотвореніи міра. — По томъ снова обращается Анахарсисъ къ Исторіи своего времени. Сперва описывается походъ Діона въ Сиракузы, гдѣ онъ прогоняетъ Тирана, но наконецъ становится жертвою неблагодарности своихъ соотечественниковъ. — Тутъ описывается Анахарсисъ безплодную войну, которую Аѳиняне вели съ бывшими своими союзниками, и начало Фокейскихъ беспокойствъ; а какъ Анахарсисъ между тѣмъ отѣзжаетъ въ Египетъ, то прое пріятели его пишутъ къ нему о судьбѣ Аѳинской Рес-

Республики — и съи письма весьма интересны. Тогда Филиппъ Македонской спаившися опасенъ для Греческой вольности; и каждой изъ Анхарсисовыхъ пріятели смотрѣтъ на него и на дѣла его съ особенной стороны. Прекрасно описаніе развивающихся Демосѳеновыхъ талантовъ; и всякой думаетъ, что онъ читаетъ письма или журналъ жившихъ въ то время Политика. Читатель въ безпреспанномъ ожиданіи, и сердится или одобряетъ, надѣется или боится, смотря по тому, какъ поступаетъ вѣтрной Аѳинской народъ. Филипповы планы, добродѣтели и слабости изображены весьма живо и справедливо. Читатель видитъ въ немъ хитраго поработителя вольныхъ народовъ; однако жъ такихъ народовъ, которые уже недостойны были наслаждаться вольностью — и если въ покорителъ оныхъ не льзя похвалить сердечной непорочности, то по крайней мѣрѣ нельзѧ не признать его великаго духа. — На воз-
вра-

вратномъ пути чрезъ Смирну находишь Анахарсисъ Аристопеля, и предлагаешь въ разговоръ политической мнѣнія сего Философа. Тутъ сообщается намъ извлеченіе изъ книги *de Republica*; однако жь весьма кшпами включены здѣсь и нѣкоторыя мѣста изъ другихъ Писателей — и мы охотно вѣримъ Сочинителю, что сей отрывокъ споилъ ему великаго труда.

— Другое важное происшествіе сего времени опять заставляетъ Анахарсиса обращиться къ Исторїи. Дионисій Сиракузской въ другой разъ сверженъ съ прона и уходиши въ Коринѣ. Здѣсь наиболѣе нравится намъ описание его поступковъ въ нещастіи: благоразумія, которое показывали его отвѣты, и безразсудности, которая видна была изъ его дѣлъ. — Почти весь отрывокъ сего тома занимаетъ Греческая Литтература. Отъ спр. 327 до 389 рассказывающіяся въ хронологическомъ порядке всѣ успѣхи Греческихъ Философовъ въ Физикѣ. По томъ пред-

длагаются понятия ихъ о сверхъестественныхъ существахъ, а особенно о ихъ Геніяхъ. — Тамъ слѣдующъ Историки; и кажется, что сїе отдаленіе могло бы быть проспраніе. Все сказанное о Геродотѣ, Фукидидѣ, Ксенофонѣ и пр., весьма справедливо, но читашелю можетъ показаться странно, что Авторъ говоритъ болѣе о пропадшемъ Феопомпѣ и Эфорѣ, нежели о дошедшемъ до насъ Фукидидѣ. О Ксенофонѣ сказано и того менѣе. — Послѣ отступленія, въ которомъ говоритъ Авторъ о Греческихъ именахъ, о происхожденіи и часто никакого значенія неимѣющемъ сопоставленіи оныхъ, обращается онъ къ Сократу, и сообщаетъ краткое описаніе его жизни, правилъ и смерти; а какъ самъ Сократъ ничего не писалъ, то въ разсужденіи его философіи должны мы полагаться на Ксенофонта и Платона. Часто уже говорено было, что сему послѣднему не во всемъ такъ вѣришь надобно, какъ первому; ибо пїтическаго духа ис-

полненной Платонъ влагалъ иногда
въ успа учителью своему (даже при
самой жизни его) собственныя свои
мнѣнія. По сему самому Авторъ нашъ
утверждается болѣе на Ксенофонѣ.
Все то, чѣмъ обвиняли Сократа, здѣсь
изслѣдывается. Только чудно, что
о разговорахъ въ темницахъ сказано такъ
мало. Извлеченіе изъ Федона было
бы здѣсь пристойнѣе, нежели прежнее
извлеченіе изъ Аристопелевої Поли-
тики. — Въ послѣднемъ отдаленіи
объ Элевзинскихъ таинствахъ не най-
демъ ничего такого, чего бы мы, и
еще обстоятельнѣе, не читали въ
сочиненіи Г. Профессора Мейнерса. Ав-
торъ принимаетъ извѣстное мнѣніе,
что въ Мистеріяхъ учили чистому
Богопочитанію; но онъ не дѣлаетъ
никакого различія между *большими* и
малыми Мистеріями. Можно думать,
что въ послѣднихъ сообщали только
указанія, а въ первыхъ *причины* и *изъ-
ясненія*. — Въ примѣчаніяхъ полюби-
лось намъ всего болѣе опроверженіе не-
доказаннаго и во многихъ книгахъ рас-
прое-

проспраненнаго слуха, будшѣ бы Аѳи-
нане послѣ сами наказали обвинишелей
Сократовыхъ.

(Окончаніе вѣдъ слѣдующемъ мѣсяцѣ.)

XV.

О РУСКИХЪ КНИГАХЪ.

Опытъ нынѣшняго естественнаго, гра-
жданскаго и политическаго состо-
янія Швейцаріи; или письма Виль-
гельма Кокса. — Англійское согине-
ніе (*). — Дѣвъ части. — Москва, вѣ
Университетской Типографіи у В.
Окорокова, 1791.

Коксовы письма заслужили одобре-
ніе какъ Англійской, такъ и Фран-
цузской Публики. Съ довольною по-

О 2

дро-

(*) Надлежало бы примолвишь, съ какого
языка переведено сіе сочиненіе. Можно,
кажется, безъ ошибки сказать, что оно
переведено съ Французскаго; но на что
зашавляшь читашелей угадывать? — Нѣ-
кошорые изъ нашихъ писцовъ, или пи-
са-

дробностію описано въ нихъ все то,
что въ Швейцаріи наибольше примѣчанія
достойно, а особенно родъ правленія
и политическое состояніе разныхъ Ка-
птоновъ. Только жаль, что Русской Пе-
реводчикъ перевелъ сіе, конечно и для
нашей Публики интересное сочиненіе,
не съ послѣдняго изданія, исправленнаго
и умноженнаго Авторомъ. Вотъ что
говоришъ самъ Г. Коксъ въ предисло-
віи онаго: „За десять лѣтъ передъ симъ
„издалъ я письма мои о Швейцаріи.
„Публика приняла ихъ благосклонно;
„а сіе заставило меня въ 1779 году пред-
„, при-

сашелей, или переводчиковъ — или какъ
кому угодно будешь называть ихъ — по-
ступающъ еще непросшильнѣйшимъ об-
разомъ. Даря Публику разными піесами,
не сказывашъ они, что сіи піесы пере-
ведены съ иностранныхъ языковъ. Доброт-
душной читатель принимашъ ихъ за Ру-
скія сочиненія, и часпо думашся, какъ
Авторъ, умѣющій такъ хорошо мыслишъ,
такъ худо и неправильно изъясняшся. Самая
гражданская честность обязываетъ насъ не
присвоивать себѣ ничего чужаго: ни дѣлами,
ни словами, ни молчаніемъ.

„принять другое путешествие въ землю Гризоновъ, ту часть Швейцаріи, которая до нынѣ была не вѣсмь известна. Въ 1785 и 1787 году, будучи опять въ описанныхъ мною мѣстахъ, захотѣлъ я пересмотрѣть свое сочиненіе и дополнить оное; сравнивалъ предметы, видимые мною въ другой разъ, съ описаніемъ, сообщеннымъ мною объ оныхъ Публику; читалъ со вниманіемъ извѣстія тѣхъ путешественниковъ, которые писали послѣ меня, и почти во всѣхъ главныхъ городахъ просилъ знающихъ людей сказать мнѣ сдѣланныя мною ошибки. Такимъ образомъ изъ разныхъ источниковъ почерпнутыя мною свѣдѣнія, вмѣстѣ съ собственными моими наблюденіями и разысканіями, заставляютъ меня надѣяться, что сочиненіе, которое предлагаю теперь Публикѣ, и которое должно быть почитаемо совершенно новымъ, можетъ заслужить вниманіе читателей. — Послѣ сего Рускіе читатели могутъ иѣкоторымъ образомъ

досадовать на Господина Переводчика, что онъ не воспользовался симъ новымъ изданіемъ (*). Уже ли онъ не зналъ объ ономъ? Но такое незнаніе едва ли можно прощать человѣку, хопящему упражняться въ переводахъ. Не менѣе должно жалѣть и о томъ, что онъ не перевелъ прекрасныхъ примѣчаній Французскаго Переводчика (**) Господина Рамона. Сей любезной молодой человѣкъ, которой по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ нынѣшихъ Французскихъ Писателей, исходилъ всю Швейцарію пѣшкомъ, и былъ въ самыхъ дикихъ и, можно сказать, непрходимыхъ мѣстахъ. Имѣя живое чувство, плодотворное воображеніе и отменную способность выражать свои мысли и ощущенія, описываетъ онъ съ удивитель-

---

(*) На Англійскомъ языке оно публиковано въ 1789, а Французской переводъ снаго вышелъ въ 1790 году.

(**) Сіи примѣчанія напечашаны при первомъ изданіи Коксовыхъ писемъ на Французскомъ языке.

тельною силою красоты величественной Природы, и съ отмѣнною пріятельствію проспые нравы Швейцарскихъ пастуховъ, съ которыми живалъ онъ по нѣсколькоу недѣль какъ братъ съ братьями.

Руской переводъ по мѣстамъ хорошъ. Въ доказательство сего приведемъ слѣдующее : „Нѣтъ ни одного проспаго наблюдателя, которой бы не согласился, что различныя спящи могутъ произвести извѣстныя на лицѣ перемѣны или отличительные знаки. И такъ полагаютъ вообще, что еспѣли разсмотрѣть со вниманіемъ сїи знаки, то удобно можно обнаружить (*) склонности того человѣка, котораго желаешь узнать. Признаюсь, что такое положеніе подвержено многимъ исключѣніямъ, и никакъ не можно основать на ономъ всеобщей системы, съ твердыми доводами. Но Г. Лагардъ,

„Фа-

(*) Здѣсь надлежало бы сказать не обнаружить, а узнатъ, или угадать.

„Фатеръ, какъ испинной энтузиастъ,
„проспираешь свое умозрѣніе далѣе
„чадлежащаго, — и проч. Но, къ
сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно.
Не льзя на пр. похвалить слѣдующихъ
мѣстъ: „Сїе увѣреніе сильно было
„другими отвергнуто. Я много си-
„лился узнать, правда ли сїе. —
„Всѣ часты ученостви воздѣлываютъ
„(*) тамъ съ успѣхомъ. — Прогул-
„ки и забавы народа смѣшаны съ по-
„лезными обращеніями; изрѣдство
„и чистота составляютъ предметъ
„самыхъ ученыхъ разсужденій. (Рѣчь
идетъ о Женевѣ. Я жилъ въ семъ
городѣ около шести мѣсяцовъ, а не
понимаю, что хочешь здѣсь ска-
зать Г. Переводчикъ.) — „Му-
„драя политика сего правленія,
„благосклонное его пріяшіе чуже-
„спранцовъ, и дозволеніе вступать
„имъ въ мѣщанство, тѣмъ большаго
„примѣчанія достойны, тѣмъ совер-
„шеннѣ

(*) Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать
по-Руски обработываются.

,, шенікъ противны большей части
,, другихъ Швейцарскихъ городовъ,, —
и проч. и проч. и проч. Еще замѣ-
тилъ я нѣкоторыя странныя ошибки.
На прим. „Сочиненіе, изданное Гес-
неромъ о земледѣлии, доказываетъ
„обширность его знанія.,, Геснеръ отъ
роду не писывалъ о земледѣліи. Я
толчасъ спрavилъ съ Французскимъ
оригиналомъ, и нашелъ тамъ: *sur le*
rausage. По какому нещастному слу-
чию можно было принять сіе слово
(которое значитъ *ландшафтъ*) за
земледѣліе, не знаю. — „Стихи Ге-
неровы славятся у иностранныхъ
народовъ.,, Но Геснеръ писалъ про-
зю. — „На другой день, прѣѣхавши
въ Женеву, обѣдалъ я съ однимъ Ан-
глійскимъ дворяниномъ, по имени
Жантудомъ, гдѣ надѣялся я найти
случай видѣться съ Гм. Боннепомъ.,,
Жанту (‡) есть не имя Англичанина,
а имя деревни, въ трехъ верстахъ
П опъ

(*) Пишется по Французски *Genthod*, а
выговариваешься *Жанту*.

отъ Женевы , гдѣ Коксъ обѣдалъ у
своего единоземца , и гдѣ живетъ Г.
Боннептъ .

Произношеніе многихъ собствен-
ныхъ именъ означено несправедливо .
На пр. должно писать по - Руски не
Кларенсъ , а Кларанъ ; не Шамуни , а
Шамони ; не Нейшапель , а Нюшапель ,
и проч .

*Имена Особъ, подписавшихся на
Журналъ въ Іюль мѣсяцъ.*

Въ Москвѣ Его Высокородіе Федоръ

Ивановичъ Левашевъ.

*— — — Его Благородіе Николай Ива-
новичъ Ильинъ.*

— — — Иванъ Федоровичъ Соколовъ.

*Въ Ярославлѣ Его Высокоблагородіе
Николай Алексѣевичъ Замыцкой.*

Въ Елисаветоградѣ неизвѣстная Особа.

*Въ С. Петербургѣ Его Благородіе
Николай Петровичъ Диринъ.*

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страна
I. Стихи изъ описанія празднества	119
II. Къ Прекрасной	125
III. Прогулка въ Сарскомъ селѣ	125
IV. Стихи Гжѣ. Аи.	128
V. Опѣтъ ея	129
VI. Сонетъ	131
VII. Надиись къ портрету живописца	137
VIII. Сельмскія пѣсни	134
IX. Бель къ Шафтсбури	150
X. Шафтсбури къ Белю	165
XI. Письма Русск. Путешественника	165
XII. Соловей и ворона	197
XIII. Райская птичка	198
XIV. О иностранныхъ книгахъ	201
XV. О Русскихъ книгахъ	217

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го стоитъ въ Москвѣ пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будетъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при шомъ свой адресъ, и въ
шакомъ случаѣ ручается за вѣрное
доставленіе Журнала.
